

РѢКА УБА

и убинскіе люди.

Литературно-этнографический очеркъ*)

I.

Рѣчная система Убы, источни ея и устье.

Рѣка Уба—дочь юго-западнаго Алтая. Ея свѣтлая голубая вода, стремительный бѣгъ и властный говоръ—являются лучшей метрикой ея царственнаго, альпійскаго происхожденія. Являясь правымъ притокомъ Верхняго Иртыша, она растянулась по юго-западнымъ отрогамъ Алтая болѣе, чѣмъ на 400 верстъ.

Рѣка Уба сливается съ Иртышемъ какъ разъ на полпути между Усть-каменогорскомъ и Семипалатинскомъ, т. е. примерно въ ста верстахъ отъ того и другого, причемъ р. Убу не слѣдуетъ смѣшивать съ р. Ульбой, упавшей въ Иртышъ также справа окколо самаго Устькаменогорска.

*) Первый экземпляръ статьи этой будучи посланнымъ въ Алтайскій подъ-отдѣлъ Г. О. въ совершенно законченномъ видѣ имѣлъ болѣе тщательную и подробную обработку, но онъ не дошелъ до своей цѣли и былъ утерянъ. По этому данный экземпляръ является вторичнымъ и потому менѣе подробнымъ.

Авторъ.

Основная артерія р. Убы состоитъ изъ четырехъ главныхъ притоковъ, берущихъ начало въ западныхъ склонахъ горнаго Алтая, а именно считая снизу—рѣкъ: Бѣлой Убы *нижней* (или правой по теченію) Становой Убы, Черной Убы и Бѣлой Убы *верхней* (или лѣвой по теченію).

Нижняя бѣлая Уба беретъ свое начало въ роскошномъ альпійскомъ озерѣ на горѣ Сѣдлухѣ, т. е. на сѣверномъ водораздѣлѣ, противоположные, т. е. сѣверные склоны котораго направляютъ свои потоки уже въ р. Обь, образуя р. Бѣлую, слившуюся съ р. Чарышемъ.

Принявъ рѣчку Шумиху и нѣсколько горныхъ потоковъ безъ названія р. Бѣлая Уба сливается съ главной Убой, какъ разъ въ верхнихъ Убинскихъ порогахъ, т. е. приблизительно въ 200 верстахъ отъ устья Убы.

Рѣка Становая Уба беретъ свои, широкимъ вѣромъ раскинувшіеся истоки у юго-западныхъ склоновъ Коргонскихъ бѣлковъ, сѣверные склоны которыхъ питаются р. Иню, упавшую также въ р. Чарышъ. Въ число вышеуказанного вѣра истоковъ р. Становой Убы должны быть включены еще р. Коровиха съ ея вѣтвистой вершиной и мелкіе потоки изъ бѣлка Свирипаго. Принявъ по пути нѣсколько горныхъ рѣчекъ, брошенныхъ западнымъ подоломъ Коксинскаго хребта, р. Становая Уба падаетъ въ главную Убу верстахъ въ ста выше р. Бѣлой Убы, между огромными горами Большой и Малый Теремки.

Затѣмъ идутъ Черная Уба и Бѣлая Уба *верхняя*, слившияся вмѣстѣ выше впаденія Становой Убы верстахъ въ 25. Р. Черная Уба беретъ свое начало у западнаго подола Тургусунскаго Хребта, южные склоны котораго даютъ р. Тургусунъ—правый притокъ р. Бухтармы. Затѣмъ—Черная Уба мимоходомъ принимаетъ около десяти бурныхъ потоковъ съ юго-западныхъ склоновъ Коксинскихъ бѣлковъ, сѣверо-восточные склоны которыхъ, какъ извѣстно, рождаются р. Коксу—лѣвый притокъ Катуни.

Бѣлая Уба *верхняя* въ вершинѣ своей представляеть собою

цѣлый кустъ изъ многочисленныхъ рѣчекъ и потоковъ, стрѣмящихся въ нее съ обѣихъ сторонъ, и беретъ начало по со-сѣдству отъ Черной Убы, причемъ лѣвыми притоками свои-ми упирается въ сѣверо-западный подоль Ивановскаго хреб-та, противоположные склоны котораго даютъ р. Ульбу, пада-ющу въ Иртышъ у г. Устькаменогорска. Такимъ образомъ, вѣтвистые истоки р. Убы, захвативъ площадь болѣе чѣмъ въ двѣсти верстъ шириною, касаются своими вѣтвями цѣлой си-стемы альпійскихъ хребтовъ, т. е. Коргонскаго, Коксинскаго, Тургусунскаго и Ивановскаго.

Если къ изложенному выше мы прибавимъ, что р. Уба въ среднемъ своемъ теченіи, между впаденіемъ р. Становой Убы и нижней Бѣлой Убы, т. е. на разстояніи около ста верстъ—приняла свыше пятнадцати, довольно большихъ, горныхъ рѣ-чекъ, то для насъ станетъ вполнѣ понятной та пресѣченность верховьевъ Убы, которая по красотѣ и дикости природы очень близко роднить Убинскій Алтай съ Алтаемъ Катунскимъ.

Ниже впаденія р. Нижней Бѣлой Убы, т. е. отъ верхняго порога р. Уба становится уже плотоходной и послѣ стоверст-наго крайне кипрізного теченія по узкому и величавому гор-ному ущелью, покрытому лѣсомъ и пересѣченному еще цѣ-лымъ рядомъ горныхъ рѣчекъ, она вырывается на болѣе спо-койную, безлѣсную хотя и холмистую степь и постепенно по-ворачивая влѣво, еще верстъ сто падаетъ въ рѣку Ир-тышъ, какъ разъ на грани послѣднихъ холмовъ и начавшей-ся степной равнины, ушедшей къ Семипалатинску и дальше. Причемъ передъ впаденіемъ въ Иртышъ Уба разбивается на нѣсколько протокъ, главная изъ которыхъ равняется ста са-женямъ и подбѣгаеть къ Иртышу совершенно перпендикуляр-но, отчего ея свѣтлые струи далеко бѣгутъ на перерѣзъ мут-ному Иртышу, рождая пѣнистыя гривы и глубокія водныя воронки.

Но долина устья Убы совершенно плоская безъ крутыхъ и высокихъ береговъ и теряется въ сплошныхъ таловыхъ, че-ремуховыхъ и тополевыхъ заболакахъ. Вообще Уба передъ впа-деніемъ въ Иртышъ кажется утратившей говорливую свирѣ-

пость горной рѣки и украшенная равнинами, а можетъ быть испуганная близкимъ бракомъ съ суровымъ Иртышемъ ползеть къ нему тихо, какъ бы задумавшись. Но болѣе всего странно, что слившись съ Иртышемъ, она, какъ будто, не увеличиваетъ ни широты его, ни многоводности.

Онъ просто, небрежно взялъ ее подъ мышку, сурово стремится къ своей блѣдной и угрюмой невѣстѣ Оби....

II.

Убинскіе казаки.

У самаго устья р. Убы ниже ея впаденія, на правомъ берегу Иртыша, стоитъ Убинское станичное поселеніе. Это небольшой, дворовъ въ полтораста, опрятный и довольно стройный поселокъ, расположенный на невысокомъ, но ровномъ плато, со стороны Иртыша защищенному огромной и высокой тополевой рощей, на фонѣ которой рельефно бѣлѣетъ церковь поселка.

Улицы прямые, дома большей частью деревянные, крытые тесомъ, съ чистыми оградами и весьма опрятными горницами, въ которыхъ почти въ каждой вы увидите: чистые, самотканые половики, старомодный посудный шкафъ съ комодомъ, большое простое зеркало, опрятно прибранную деревенскую кровать съ высоко взбитыми подушками, периной и цвѣтнымъ покрываломъ. У гладко выбѣленныхъ или оклеенныхъ обоями стѣнъ старинной конструкціи деревянные тяжелые стулья и диваны съ кривыми и толстыми ножками, а на стѣнахъ, кроме иконъ и лубочныхъ яркихъ картинокъ изъ серии русскихъ войнъ и русскихъ сказокъ, вы непремѣнно увидите портреты какихъ либо полководцевъ и командировъ, среди которыхъ предпочтеніе Линевичу, Скобелеву, Куропаткину, Стесселю, Мищенко и другимъ героямъ историческихъ войнъ. Кромѣ того, подъ самымъ зеркаломъ обязательно нѣсколько фотографій съ изображеніемъ по два и по три молодыхъ казака, въ крайне принужденныхъ позахъ, съ саблями на голо, съ

закуренными папиросами и въ сапогахъ съ высокими рубчатыми голенишами.

Казаки-мужчины отличаются порядочной долей практическаго ума, ловкостью въ джигитовкѣ и любовью къ военнымъ подвигамъ, но всѣ они крайне не расторопны въ дѣлахъ своего домашняго хозяйства.

Земледѣлемъ въ послѣднее время стали заниматься всѣ безъ исключенія, причемъ почти всѣ тяжелыя работы ихъ исполняютъ степные киргизы, которые находятся у Убинскихъ казаковъ въ вѣчныхъ и невылазныхъ долгахъ. Въ то время, какъ крестьяне сосѣднихъ сель не могутъ найти рабочихъ и даютъ большія цѣны, казаки за полцѣны и безъ особыхъ затрудненій имѣютъ рабочихъ сколько угодно. При этомъ отношеніе къ киргизу самое деспотическое. Укажу на примѣры: Въ пос. Убинскомъ есть очень богатый казакъ-урядникъ С. Онъ только тѣмъ и состояніе свое пріобрѣль, что умѣло и неуклонно держалъ въ қабалѣ десятки бѣдныхъ киргизъ. Дѣлалъ онъ это такъ: съ зими охотно даетъ киргизу въ долгъ продукты первой необходимости: муку, мясо, соль, чай и даже деньги, но съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ ему известное количество хлѣба или выкосилъ и поставилъ опредѣленное число стоговъ сѣна. Беря необходимое бѣднякъ киргизъ за зиму конечно влѣзть въ такие долги, которыхъ отработать за все лѣто не въ силахъ. Но наниматель не только не претендуетъ на это, но и вновь даетъ киргизу на нужные расходы, только назначаетъ проценты и не деньгами, а той же работой именно: если, допустимъ, какой либо Крытпай долженъ былъ въ прошломъ году поставить двѣсти копенъ сѣна, а поставилъ полтораста, т. е. 50 не доставилъ, то нынче это количество онъ долженъ поставить въ удвоенномъ размѣрѣ. И вотъ теперь еще несмотря на дороговизну труда у С. имѣется нѣсколько десятковъ такихъ должниковъ, которые работаютъ за старые долги совершенно бесплатно. Нѣкоторые работаютъ за долги отцовъ, которые давно умерли.

Не исполнить же работъ казаку немыслимо, т. к. казакъ, благодаря своей деспотической настойчивости всегда съумѣеть

заставить киргиза отработать или сильно наказать, включая сюда взыскание убытков и физическое наказание одновременно. Не даром же еще недавно лежать 10—15 назад один вооруженный, только нагайкою, казакъ могъ безнаказанно перепороть весь ауль и заставить его же угощать себя кумысомъ и бараниной. Казаки очень рѣдко относятся къ киргизу по человѣчески. Отлично владѣя киргизскимъ языкомъ, они часто между собою говорятъ по киргизски и никакія киргизскія тайны не минуютъ ихъ слуха. Очень рѣдко называются они настоящимъ именемъ киргиза. Большею частью: «Крыпайка» (вмѣсто Крыпай) «Джумачишкѣ» (вмѣсто Джуматай), а то и просто «орда», «остроголовый», «лопатка», «головешка», «собака». И никогда не скажутъ, что умеръ киргизъ, а скажутъ всегда: «пропалъ собака»....

Въ виду такого пользованія киргизскимъ простодушiemъ и выносливостью даже бѣднѣшіе казаки живутъ относительно безопасно и занимаются, кроме посѣва хлѣбовъ, скотоводствомъ и посѣвомъ арбузовъ, которые на песчаной почвѣ пріиртышскихъ уваловъ родятся очень обильными и особенно сладкими, почему изъ большинства деревень крестьяне покупаютъ ихъ сотнями возвозъ, да кроме того арбузы десятками плотовъ сплавляютъ въ Семипалатинскъ и Омскъ.

Въ противоположность мужчинамъ казачки—женщины весьма не далеки, забиты, очень трудолюбивы, выносливы и чрезвычайно опрятны и скромны. Каждая изъ нихъ обязательно промышляетъ листовымъ табакомъ, который убинскіе казачки садятъ въ огородахъ и растятъ при заботливой бдительности и ручной поливкѣ. Поэтому всѣ казачьи девушки и молодыя женщины цѣлое лѣто пребываютъ на солнцѣ, таская на коромыслахъ воду изъ Иртыша. Зато въ праздники онѣ любятъ нарядиться, подражая въ отношеніи костюма городскому мѣщанству. Очень любятъ ботинки со скрипомъ и съ глубокими калошами, бѣлые платья и кисейные шарфы, платья «принцессой» т. е. въ талию, тугie пояса и бѣлые фартуки съ пѣтухами. Очень дорожатъ скромностью и подражаніемъ сельской интеллигенціи, къ которой относятся весьма

почтительно и самой умной лѣвушкой считается та, которая меньше говорить и совсѣмъ не смеется и которая больше всѣхъ сидитъ дома. Самой же характерной чертой казачьей женщины или лѣвушки можно считать аккуратное произношеніе буквы «ц». Онѣ всегда скажутъ четко и обязательно «курица», «Богородица» и считается очень дурнымъ тономъ и необразованностью не исполненіе этого правила.

Также и молодые люди Убинской станицы весьма трезвы, чистоплотны и обходительны. Любятъ форснуть вычищеннымъ сапогомъ, цвѣтной рубашкой, свѣтымъ кушакомъ и узкими брюками и въ присутствіи лѣвушки или женщины не сдѣлаютъ неприличного жеста и не скажутъ дурного слова, а на игрищахъ или на вечеркахъ относятся даже съ изысканною фамильярностью, называютъ лѣвушекъ по имени и отчеству и по возможности на «вы». Но лѣвушки при танцахъ просто садятся къ нимъ на колѣни, а при припѣвахъ и играхъ охотно цѣлютъ ихъ, стараясь при этомъ не улыбаться, чтобы не сказали чего дурного. Но очень дурно казачьи лѣвушки и женщины поютъ, какими-то однотонными, тонкими и нестройными голосами. Зато танцуютъ недурно, хотя и однообразно, потупляя глаза и стараясь не улыбаться.

Въ свою очередь и кавалеры, молодецки крутясь вокругъ своихъ дамъ и выдѣлывая каблуками громкія трели, ёдятъ своихъ дамъ глазами и изъ почтенія къ нимъ, до перерыва не вытираютъ даже крупныхъ капель пота на разрумяненныхъ лицахъ.

И всѣ казаки отъ мала до велика къ грамотѣ относятся болѣе, чѣмъ снисходительно, но въ то же время никакая крестьянская фантазія не способна рисовать такія нелѣпныя картины суевѣрія, какъ сплошь да рядомъ дѣлается это среди казаковъ не только ст. Убинской, но и всей почти Семипалатинской казачьей линіи.

III.

Деревни и люди низовьевъ Убы.

Отъ поселка Убинского долина р. Убы почти не замѣтна и кажется простой, широкой низиной. Кое гдѣ лишь огороженной небольшими увалами, легкими холмами и раздольными гривами.

Отъ поселка вверхъ по Убѣ справа по теченью идутъ роскошные луга, поросшіе частыми забоками изъ тальника и черемухи, а слѣва по теченью идуть покатые и спаханные увалы. На шестой верстѣ, возлѣ единственнаго, отвѣснаго, но не высокаго утеса съ лѣвой стороны имѣется перевозъ, очень примитивный, на канатѣ. Ширина Убы здѣсь около восьми-десяти саженъ. А въ семи верстахъ отъ поселка, на лѣвой сторонѣ Убы, на низкой равнинѣ и на фонѣ громадной тополевой рощи, рисуется болыпое сѣроѣ, неопрятное, но довольно богатое крестьянское село Убинское, съ новой церковью, винной лавкой, обычно пустыми и длинными хлѣбозапасными магазинами и очень небольшой школой. Черезъ село Убинское идетъ Семипалатинско-Зайсанскій почтовый трактъ. Здѣсь насчитывается до 400 дворовъ, изъ которыхъ около половины новоселовъ по преимуществу съ юга Россіи и глиnobитныя и саманныя хаты ихъ съ соломенными крышами и ограды съ журавлями криницъ, т. е. колодиевъ, рѣзко выдѣляются отъ посѣдѣвшихъ, мѣстами скосившихся, мѣстами раскрашенныхъ и шитыхъ тесомъ домовъ старожиловъ, ворота которыхъ обязательно тесовыя съ фигурчатой рѣзьбой надъ крышкой и съ жестянными звѣздочками на полотнахъ, а иногда и на корнизахъ домовъ. Крыши домовъ почти все двускатныя съ вдавленными лбами и съ рубчатой рѣзьбой или пѣтушками на бхлупняхъ. Дома высокіе съ глухими крыльцами, съ низкими, но прочными подвалами, съ маленькими раскрашенными окошками и росписными ставнями. Но и въ с. Убинскомъ есть дома, въ которыхъ сохранился еще дѣдовскій обликъ. Здѣсь все говорятъ о глубокомъ почтеныи къ

старинѣ и о крѣпости стариcovскихъ завѣтовъ. Въ избахъ пахнетъ свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, жирными шами и кислыми овчинами тулуповъ, которые всегда лежать на палатахъ, а въ горницахъ съ росписныхъ широкихъ божницъ смотрятъ суровые потемнѣвшіе лики иконъ. Небѣленные потолки и стѣны украшены какими-то фантастическими, напоминающими современный декадентскій стиль, цвѣтами и фигурами мѣстнаго творчества, въ углу у двери солидно разсѣлась большая русская печь съ ввалившимися глазами — печурками и темной пастью цѣла, а возлѣ нея стоитъ огромная кровать съ массою подушекъ и длиннымъ цвѣтнымъ, преимущественно краснымъ съ большими желтыми цвѣтами, пологомъ. На полу цвѣтные половики, противъ печки росписной, подвѣшенный на крючкахъ шкафъ съ посудой, а въ красномъ углу у широкихъ лавокъ, крѣпкій толстоногій столъ, покрытый самотканной кубовой скатертью. И степенная тишина овладѣвавая вами, уносить васъ въ древнюю Москву и солидно внушаетъ жуткое почтенье къ русской самобытности, которая впрочемъ сейчасъ же исчезаетъ при появлѣніи въ горницахъ хозяйки, по большей части недалекой, простодушной и слишкомъ типичной для нашего времени крестьянской бабы, забитой, изнуренной трудомъ и болѣзнями, истощенной дѣтьми и побоями мужа. А когда входитъ, одергивая короткую рубаху, заросшій бородою и согнутый подъ тяжестью мужицкаго ярма хозяинъ и заговорить съ вами торопливымъ, неправильнымъ языкомъ о нуждѣ, о надвигающемся малоземельи, объ истощеніи земли и о дороговизнѣ всего, вы невольно соприкасаетесь съ настоящей дѣйствительностью и не только видите, что добрые крестьянскіе устои отжили, но и чувствуете грядущую неизбѣжность въ коренномъ переворотѣ всей ихъ жизни. И чѣмъ больше присматриваешься къ жителямъ села Убинскаго, этого старѣйшаго существующаго около двухсотъ лѣтъ села, тѣмъ яснѣе вырисовываются уродливости вырождающейся самобытности. Объ этомъ говорять пестрыя одежды отъ росписного сарафана до розовой кофточки, отъ старомоднаго дѣдовскаго кафтана до

базарного пиджака и отъ почтенной длинной сѣдины до стриженной головы и бритой бороды включительно. И развѣ гдѣ либо у старого лома на заваленкѣ, въ праздничную пору, вы увидите яркаго выразителя подлиннаго сибирскаго крестьянства. Это какой нибудь древній стариkъ съ костылемъ въ высокой четырехъугольной шапкѣ, въ позеленѣвшемъ отъ времени бархатномъ кафтанѣ. Сидитъ онъ, качая старой головой и думаетъ о милой старинѣ принесенной изъ глубины вѣковъ, о Русской были, о чистотѣ и простотѣ былыхъ нравовъ, не утраченныхъ и подъ ударами неволи и испытаній за вѣру.... А въ это время внучата его, подростки, тайкомъ, рискуя поджечь амбаръ, гдѣ либо въ укромному мѣстѣ курятъ базарные папиросы и знаютъ то, о чёмъ всю свою жизнь не зналъ дѣдъ, этотъ доживающій свои дни обломокъ старой Ру西....

Главнымъ занятіемъ крестьянъ с. Убинскаго является земледѣліе, а за послѣдніе годы молочное хозяйство и частью рыбалка, извозъ, т. к. они живутъ на тракту, а также и пчеловодство. Очень часто можно встрѣтить чрезвычайно островумныхъ и интересныхъ людей, играющихъ первую скрипку въ мужицкихъ настроенияхъ и дающихъ тонъ. Такъ напримѣръ, нѣкто Е....чъ, бесѣдуя со мной говорилъ о себѣ:

— По годамъ то надобы на печкѣ давно лежать, а по дѣламъ-то выходитъ на жарѣ торчать приходится... А жара, братецъ ты мой, такая, что у меня на плѣшинѣ хоть блины пеки!..

Это одинокій, бездѣтный стариkъ, все время работающій самъ и на пашнѣ и дома. Онъ разсказалъ мнѣ интересную исторію о томъ, какъ нѣкто Ив. Петр., проповѣдуя Толстого поселился въ ихъ деревнѣ и около четырехъ лѣтъ работалъ бесплатно то у того, то у другого.

— Спасался, спасался да потому у псаломщника фарпосного (т. е. изъ ст. Убинской) бабу и слямзилъ!... Слямзилъ да и съ деньженками знать-то... А бабеночка-то, слышь, мяконькая была, ну да и спасенье-то прискучило видно... Потомъ деньженки-то порастресъ да и бабеночку-то бросилъ. Псаломщикъ-то запиль да въ чахоткѣ умеръ, а она будто-бы съ пу-

ти сбилась совсѣмъ... Вотъ тебѣ и апостолъ! — заключилъ Е...ъ И....чъ и прибавилъ съ характерной для него скороговоркой:—Ишь вотъ какъ спасаются, а нашему брату, вахлаку, гдѣ такъ догадаться... Такъ видно ужъ намъ положено: здѣсь-то какъ червяку ползать, да еще и тамъ-то въ смолѣ кипѣть!...

Выше с. Убинскаго долина Убы постепенно начинаетъ съуживаться, загородившись съ правой стороны высокимъ, яромъ, а съ лѣвой—давъ мѣсто широкому лугу, сплошь усыпанному таломъ, черемухой, гороховникомъ и жимолостью, а верстахъ въ десяти начинаются уже легкіе взгорья слѣва и раздольная высокія гривы справа, причемъ слѣва по теченью Убы на гладкой равнинѣ, огороженной холмами, ровной чредою виднѣется больше десяти лревнихъ чутскихъ кургановъ, увѣнчанныхъ кудрявыми кустами черемухи; а тотчасъ за ними на крутомъ лѣвомъ берегу Убы прилѣпилось небольшое селенѣе Орловское.

Селенѣе это выстроилось не больше 10—12 лѣтъ назадъ изъ переселившихся сюда горнозаводскихъ обывателей с. Риддерскаго, переселившихся потому что съ сокращенiemъ работъ тамъ они стали бѣдствовать, а земли для пашни не хватило. Но и здѣсь они, привыкшіе къ шахтѣ, не могутъ оправиться и селенѣе выглядитъ очень жалкимъ, забытымъ Богомъ и людьми, а жители его являются собою ту, типичную для сибирскаго мужика, промежуточность, которая не похожа ни на крестьянина, ни на мѣщанина и въ то же время, въ слабой степени содергитъ въ себѣ признаки и того и другого вмѣстѣ.

Переѣхавъ здѣсь на лодкахъ на правую сторону Убы и поднявшись на увалъ, мы очутились на столбовой дорогѣ, идущей отъ Семипалатинска въ Барнаулъ. Среди тучныхъ пашень и травъ по высокому и ровному увалу мы двинулись въ сѣверномъ направлѣніи и видѣли, какъ открывшееся передъ нами широкой голубой лентой русло р. Убы, нѣжась въ зелени луговъ и сплошныхъ забокъ, вдали круто

повернуло вправо, на востокъ и потерялось тамъ среди первыхъ синѣюшихъ отсюда предгорій Убинскаго Алтая, а позади насъ оставался слегка искривленный и синѣюшій вдали за-иртышкій горизонтъ.

Черезъ десять верстъ мы попали въ большое, богатое и интересное село Красноярское, расположенное на правомъ берегу Убы, подъ высокимъ уваломъ, на прижавшемся къ нему клочкѣ луга.

Населеніе здѣсь то-же что и въ деревнѣ Убинской, съ тою лишь разницей, что здѣсь лучше сохранилась самобытность старожильческаго крестьянства и меныше наблюдается пестроты, свойственной промежуточности или такъ сказать полукрестьянства. Однако окраины села изобилуютъ переселенческими куренями и избами съ соломенными крышами. Въ общемъ населеніе с. Красноярского можно считать въ большинствѣ своемъ довольно зажиточнымъ. Склоненная къ Убѣ и обрѣзанная около нея крутымъ глинистымъ уваломъ тучная и плодородная грива, безъ единой горки, безъ единаго дерева, поднимается на сѣверо-западъ отлогимъ двѣнадцативерстнымъ переваломъ. Обогнувъ правую сторону Убы на нѣсколько десятковъ верстъ она уходитъ почти на сто верстъ въ глубь до Шульбинско-Локтевскаго бора. Эта же грива, вся испещренная квадратами пашень и является лучшей кормилицей и надеждой не только трехтысячнаго Красноярскаго населенія, но и населенія всѣхъ смежныхъ деревень: Вавилонки, Сугатовскаго, Золотихи и Локтя на сѣверъ отъ Красноярска и Перерыва, Жерновки и Бородулихи на западъ отъ него. Эта же грива является и строгой, замѣчательно ровной, гранью послѣднихъ предгорій горнаго Алтая и начавшихся и ушелшихъ до самаго сліянія Иртыша съ Обью, степей. Съ перевала этого въ ясную погоду можно наблюдать на юго-западѣ далекія перламутровыя марева—признакъ пустынь, а на сѣверо-востокѣ едва видныя блѣснѣжныя вершины Ивановскаго хребта, вѣнчающія лиловыя волны западнаго Алтая. И эта грань между безграницныхъ равнинъ степей и бурныхъ застывшихъ горныхъ

волнъ— рождаетъ настроеніе не то безотчетнаго восторга, не то упоительной тоски...

Для лучшей характеристики жителей с. Красноярскаго необходимо сдѣлать маленькую экскурсію въ сторону отъ Убы.

Въ двадцати двухъ верстахъ отъ с. Красноярскаго на западъ есть интересное, родственное Красноярску, но болѣе типичное и еще лучше сохранившее самобытность, село Перерывъ или Ново-Шульбинское. Это село охотно поддерживаетъ с. Красноярское въ смыслѣ сохраненія самобытности, т. к. Красноярцы очень часто берутъ изъ него невѣстъ и отдаютъ за Перерывцевъ своихъ дочерей. А т. к. Перерывъ лучше уберегъ лѣловскіе завѣты относительно вѣры, обрядовъ и семейныхъ отношеній, то Красноярцы въ значительномъ большинствѣ отдаютъ Перерыву первенство и по возможности подражаютъ ему.

Перерывскіе старожилы еще недавно гремѣвшіе богатствомъ и славой теперь значительно обѣднѣли, благодаря почти захлеснувшей ихъ волнѣ переселенія, которое не только стѣснило ихъ въ отношеніи землепользованія, но и въ значительной степени пошатнуло старые завѣты. И все же еще много старожиловъ въ Перерывѣ, которые еще не падаютъ подъ наѣскомъ времени и крѣпко держатся старого закала; не берутъ въ жены никого кромѣ дочерей старожиловъ и сами не отдаютъ безъ разбора. Берегутъ старинные обряды, вѣру, костюмы и обычай. Кромѣ того въ этомъ имъ способствуетъ то обстоятельство, что они въ сторонѣ отъ тракта и ломка старины происходитъ не съ такой быстротой, какъ въ Красноярскѣ. Идя по Перерыву изъ конца въ конецъ вы, на разстояніи почти четырехъ верстъ, криво растянувшагося по равнинѣ села увидите строго разграниченные двѣ противоположности: съ западной части села бѣленыя саманныя хаты, высокіе овины, длинные журавли криницъ, малорусскія свитхи и поневы, а съ восточной части: высокіе, прочные, деревянные дома, крытые тесомъ и украшенные рѣзьбой и цвѣтистыми узорами на окнахъ и ставняхъ, глухіе дворы съ тесовыми крытыми воротами и, если въ праздникъ: красные, съ круп-

ными разводами сарафаны и, что замечательнѣе всего: частые группы у воротъ или на заваленкахъ замечательно красивыхъ, съ смуглыми лицами, длинными тонкими носами, черными длинными и ровно стриженными волосами— мужчины разныхъ возрастовъ. И все они одѣты въ большиѣ сапоги съ мѣдными подковками, въ цветные и широкіе ситцевые штаны и рубахи, въ черныя базарныя шляпы и въ черные бархатные халаты и кафтаны. И картина такого постоянства и выдержанной стильности—поразительно оригинальна.

Вотъ это же самое, но въ болѣе слабой степени можно наблюдать и въ Красноярскѣ, стоящемъ на почтовомъ тракту и потому болѣе подверженномъ соблазну цивилизаций.

Но двинемся дальше вверхъ по Убѣ.

Слѣдя десятиверстный зигзагъ, мы огибаемъ высочайшій яръ, и переѣхавъ по прочному мосту черезъ первый правый притокъ р. Убы довольно большую рѣчку Вавилонку, круто поворачиваемъ направо, къ Убѣ и въ сторонѣ отъ тракта, какъ разъ на крутомъ изгибѣ Убинской долины, какъ бы на верхушкѣ дуги, встрѣчаемъ деревню Вавилонку, названную такъ не потому что она имѣеть родственное отношеніе къ древнему Вавилону, а потому что, по выражению жителей, р. Уба здѣсь дѣлаетъ «вавилонъ», поворотъ лугообразный. Довольно большая, но менѣе зажиточная д. Вавилонка рѣзко бросается своей отсталостью, какъ отъ Красноярска, такъ и отъ с. Убинскаго, которое по типу своего населенія она больше всего напоминаетъ. Но эта отсталость совсѣмъ не такая какъ въ Перерывѣ. Тамъ сознательная, упрямая отсталость, отсталость во имя старицкихъ завѣтовъ, а здѣсь отсталость тупая и темная, отчего населеніе Вавилонки является жалкимъ и какимъ-то беспомощнымъ въ своей наивности и безхитростной простотѣ. Вся жизнь съ прогрессомъ, культурой и новостями проходить совсѣмъ мимо, по тому отстоявшему только въ трехъ верстахъ почтовому тракту, который обновляетъ идвигаетъ къ видоизмененію Красный Яръ и с. Убинское. Здѣсь много лѣтъ не

было ни школы, ни церкви, которую недавно кое-какъ выстроили, а общеніе съ двумя, находящимися въ противоположныхъ концахъ рудниками: Сугатовскимъ и Николаевскимъ, отстоящими въ 9 верстахъ каждый, лишь способствовало большей придавленности тѣла и души вавилонцевъ, ибо бывшая въ этихъ рудникахъ горная работы, на которыхъ часть вавилонцевъ ходила, лишь давили и выжимали изъ нихъ лучшіе соки и уродовали ихъ крестьянскія души.

Невольно хочется остановиться все же и на томъ, что подобные вавилонцамъ крестьяне, отличаются рѣдкой скромностью и наивностью, приближающими ихъ къ возрасту мало развитыхъ, запуганныхъ дѣтей.

Надо видѣть, съ какимъ, напримѣръ, страхомъ и растерянностью такой крестьянинъ входитъ всего лишь въ присутствіе волостного правленія.

Что же касается наиболѣе крупныхъ представителей власти, то столкновеніе съ ними повергаетъ этихъ людей положительно въ священный ужасъ.

Для примѣра я приведу картинку допроса мужика мировымъ судьею. Мировой судья совсѣмъ и не сердитый, онъ только серьѣзно сосредоточенъ и дѣловитъ.

Передъ нимъ, переминаясь съ ноги на ногу, стоять высокий лѣтъ сорока крестьянинъ и смущенно щупаетъ собственную опояску.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ судья.

— Чѣ-это?..—отвѣчаетъ тотъ вопросомъ.

— Твое имя?..

Мужикъ оглядывается назадъ и все еще не понимая въ чёмъ дѣло, молчитъ.

— Я спрашиваю какъ тебя зовутъ?—уже повышая тонъ спрашиваетъ судья.

— Али меня-то!..—догадывается свидѣтель, и прибавляетъ: — да Иваномъ звали, ваше степенство...

— Звали?.. А теперь какъ зовутъ?..

— Это нась-то?—переспрашиваетъ опять опрошенный, называя себя во множественномъ числѣ.

— Ну, да, васъ-то! — уже кричитъ раздражившійся судья.

— Дакъ Иваномъ, молъ, Иваномъ, ваше благородіе...

И такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

Здѣсь не мудрено понять истинную причину такой, кажущейся многимъ, тупости. Привыкшій къ примитивнымъ отношеніямъ крестьянской среды, мужикъ почти никогда не имѣетъ общенія съ людьми цивилизованными и сталкиваться съ ними ему приходится лишь въ какомъ-либо сутяжномъ, всегда шекотливомъ, дѣлѣ.

Вотъ почему нѣкоторые старики съ гордостью заявляютъ всегла, какъ высшее доказательство своей честности: «и въ свидѣтеляхъ не бывывалъ».

Это и доказываетъ ихъ замкнутость въ своей слишкомъ особенной по простотѣ наивности и дѣлаетъ ихъ похожими на мало развитыхъ дѣтей, съ которыми надо обходиться съ материнской заботливостью и ласкою, а отнюдь не съ розгою, что только портить и уродуетъ ихъ.

Выше д. Вавилонской верстахъ въ 5 по лѣвому берегу Убы, въ устьѣ второго съ низу притока рч. Таловки, стоитъ новое селеніе Усть-таловское домовъ въ 200. Здѣсь поселились лѣтъ 12—15 назадъ добровольные переселенцы преимущественно изъ Воронежской губерніи. Будучи хорошими землеробами люди эти рѣзко отличаются отъ старожиловъ своей неопрятностью и грубостью. Въ ихъ жилища трудно войти, такъ онѣ пропахли всевозможными слѣдами неопрятности. Въ сторону отъ Убы въ 3 верстахъ находится селеніе Николаевское тоже въ 200—250 дворовъ, съ церковкой безъ колокольни, съ одной школой и брошенными казенными рудниками. Здѣсь люди, превратившись изъ горнозаводскихъ рабочихъ, достаточно освоились уже съ ролью земледѣльцевъ, но все еще не могутъ отдѣлаться отъ чисто «бергальскихъ» (отъ слова «бергайеръ») замашекъ кутить по праздникамъ, бить женъ и дѣтей, выбивать двери и окна у сосѣдей и по цѣлымъ недѣлямъ опохмѣляться. Эти люди, являясь осколками бывшаго горнозаводского режима, въ сильной степени унаслѣ-

довали отъ самодурствовавшаго начальства ликость нравовъ и пребывая въ нихъ до сего времени, безропотно, какъ рабы несутъ крестъ своего невѣжества... Но въ то же время—какъ это ни странно—себя считаютъ неизмѣримо выше коренныхъ крестьянъ—поляковъ и очень часто награждаютъ ихъ эпитетами «крестьянишки», «чалдоны», «рохли» и т. д.

Благодаря большому пристрастію многихъ изъ нихъ къ волкѣ они охотно принимали къ себѣ новоселовъ, которые совмѣстно съ новыми и новыми пришельцами теперь кругомъ опахали ихъ и въ какіе либо 10—15 лѣтъ отъ просторныхъ полей, облегавшихъ с. Николаевское ничего ни осталось. Вокругъ с. Николаевскаго на разстояніи отъ 3 до 9 верстъ стоитъ восемь селеній, а именно: означенные Орловское, Красноярское, Вавилонское, Усть-Таловка, Рулевское, Озерки или Верхъ-Таловское и Половинное, населенное «молоканами» и стоящее на лѣвомъ берегу Убы выше Усть-Таловки версты на 2. А съвернѣе въ 9 верстахъ стоитъ еще громадное съ многотысячнымъ населеніемъ с. Шемонаиха. Такимъ образомъ с. Николаевское, являясь старожильческимъ, оказалось почти обезземленнымъ въ самомъ началѣ земельного устройства. Что же будетъ дальше, когда всѣ селенья, а въ томъ числѣ и Николаевское возрастутъ населеніемъ?... И начальство, вѣдавшее нарѣзкой земли не только не учло густоту населенія, но и вырѣзalo изъ надѣловъ Николаевцевъ самые лучшіе участки земли въ пользу Кабинета и сдаётъ ихъ въ аренду новоселамъ.

IV.

Культурный центръ края—с. Шемонаиха.

На правомъ берегу Убы, выше устья верстъ на 60, расположено огромное, болѣе чѣмъ въ 800 дворовъ, село Шемонаевское съ каменной церковью, каменной больницей, большой школой, волостью, почтой и телеграфомъ, лѣсничимъ, приставомъ и прочей менѣе значительной сельской знатью.

С. Шемонаевское—узелъ четырехъ большихъ дорогъ: на Семипалатинскъ, на Барнаулъ, на Устькаменогорскъ и на Бийскую казачью линію.

Широко раскинувшееся по двумъ упавшимъ въ Убу рѣкамъ, это село состоитъ изъ цѣлаго лабиринта кривыхъ улицъ и переулковъ съ угрюмыми, старинной архитектуры, кривыми и высокими домами и съ непрерывной сѣтью обширныхъ бревенчатыхъ дворовъ и жердяныхъ пригоновъ. Село это основано въ концѣ XVII столѣтія, т. е. болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ и населено крѣпкимъ и суровымъ крестьянскимъ народомъ, именуемымъ здѣсь «поляками».

Неуклонно слѣдуя преданьямъ старины, крестьянство это почти два вѣка не мѣняло ни внутренняго уклада жизни, ни внѣшней оболочки и, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, было какъ бы застывшимъ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ суро-вой неподвижности.

Богатство добывалось трудолюбiemъ, духовная потребно-стіи удовлетворялись церковью, отдыхъ находили въ праздничныхъ посидѣлкахъ на заваленкѣ и въ рѣдкихъ случаяхъ въ медовомъ домашнемъ пивѣ, послѣ третьаго стакана кото-раго не поднять руки для буйства; а высшее просвѣщеніе исчерпывалось мирнымъ чтеніемъ псалтыри. И вся иная жизнь проходила мимо, не нарушая ровнаго теченія спокойной жиз-ни и лишь развѣ появленіе всесильныхъ самодуровъ—управи-телей, а позднѣе земскихъ засѣдателей вспугивали на время житейскую тишину, да и тѣ, въ концѣ концовъ, не оставляли замѣтныхъ слѣдовъ, ибо старые люди были крѣпки и къ ку-лаку и къ розгѣ, и оставались въ той же добродѣтельной патріархальности, въ которой и пребывали почти до нашихъ дней. Но наши дни, ст. ихъ огромными событиями и всеоб-шимъ распадомъ, пошатнули и эту упругую неподвижность крѣпкаго крестьянства и Шемонаиха, дававшая тонъ многимъ окрестнымъ селамъ и изобиловавшая умными и духовно мо-гучими патріархами, къ совѣту которыхъ прислушивались цѣлые волости—надломилась въ самомъ корнѣ и среди мо-

лодежи вы ^и немного теперь встрѣтите почитателей этой ста-
рины.

Вотъ сценка на паромѣ черезъ Убу.

Старый перевозчикъ съ длинной, пожелтѣвшей и спутан-
ной бородой въ четыреугольной шапкѣ, рукавицахъ и сер-
мягѣ, подпоясанной шерстяной опояской низко, у самыхъ бе-
деръ, стоитъ у рулевого весла.

Паромъ отправился отъ лѣваго берега на правый т. е. къ
селу. На паромѣ, кромѣ нась, земская подвода съ волостнымъ
кандидатомъ, хохлацкая бричка, двѣ бочки съ дегтемъ, вер-
ховой старенькой киргизъ и нѣсколько младыхъ бабъ съ тя-
желыми снопами чесноку, который онѣ держали на головахъ
комлями внизъ, какъ большія зеленые короны. Загорѣлые
ноги въ низкихъ кожаныхъ башмакахъ безъ чулокъ, сарафы
высоко подтыканы, а изъ красныхъ фартуковъ слѣланы
кошельки. Въ ушахъ огромныя серебряныя серьги. Двое по-
мошниковъ кормовицка: бородатый мужикъ и молодой па-
ренъ кричатъ на дегтярей:

— Беритесь-ка за шесты!

Дегтири и киргизъ угодливо хватаются за шесты, а моло-
дой парень начинаетъ крутить папироску.

Старикъ брезгливо сплевываетъ:

— Тыфу! Ровно онъ безъ этой чертовой соски и не живъ
прямо... Ешишка брось!.. — голосъ у старика круглый, большой,
хорошо сохранившійся, и когда онъ говоритъ, длинная боро-
да вся цѣликомъ откинулась на плечо и вздрагиваетъ. Голу-
бые поблекшіе глаза смотрятъ умоляюще и грустно, но па-
ренъ, свернувъ папироску и взявъ ее въ губы, самодовольно
улыбается и лѣзетъ за пазуху за коробкой спичекъ...

— Ешишка!.. — кричитъ старикъ и будто порывается отъ
кормы.

Парень уже закурилъ и легкій вѣтерокъ несетъ удущли-
вый зеленоватый дымъ прямо въ лицо старику... Онъ плю-
ется...

Бабы и бородатый помощникъ громко смѣются и кричатъ старику:

— Умирай ты скорѣй, а то прокоптятъ они тебя, внучатки-то... И въ рай не пустятъ копченаго-то...

Старикъ, умолкнувъ, отвертывается и начинаетъ въ отчаяніи сердито бить весломъ о голубыя убинскія волны, чтобы хоть на нихъ вымстить свою тяжелую обиду...

И это одинъ изъ зажившихся патріарховъ старины, когда-то знатныхъ и сильныхъ. Парень его внукъ, а мужикъ — работникъ. Еще въ девяностыхъ годахъ старикъ этотъ пользовался большимъ вліяніемъ, служа много лѣтъ старшиной и будучи очень богатымъ... А теперь, на старости, долженъ грести весломъ и слушать горькія насмѣшки внука и работника.

Въ Шемонаихѣ есть нѣсколько большихъ торговыхъ лавокъ, а въ декабрѣ бываетъ ярмарка. Кромѣ того въ этомъ году закончена постройкой большая крупчатная мельница.

Всѣ жители исповѣданья единовѣрческаго и до сихъ поръ еще сохранилась незначительная кучка стариakovъ, ревниво оберегающихъ старинность обрядовъ въ богослуженіи, и если они услышатъ, что священникъ въ чемъ либо ошибся или отступилъ отъ подлиннаго текста священнаго писанія, то они тутъ же въ церкви крикнутъ ему строго:

— Не такъ, батя, не такъ! — и священникъ долженъ въ ту же минуту поправиться.

Всѣ мужчины въ церкви становятся впереди, а женщины обязательно у порога и если здѣсь же становится какой либо неопытный богомолецъ — бабы энергично протолкаютъ его впередъ. Причемъ всѣ бабы и старухи въ церковь ходятъ въ тѣхъ самыхъ кичкахъ, въ которыхъ вѣнчаются. (Кичка — это головной уборъ въ видѣ кокошника древнерусской женщины). Дѣти становятся въ центрѣ храма передъ алтаремъ, а взрослые мужчины замыкаютъ ихъ полукругомъ, надзирая за ихъ поведеніемъ, при чемъ не считается предосудительнымъ, если здѣсь кто либо посторонній изъ стариakovъ пошипляетъ за виски или за уши какого либо расшалившагося мальчугана.

Пѣніе въ церкви старинное и хоръ всегда случайный, изъ желающихъ, при чёмъ, если запоетъ женщина, ей обязательно погрозятъ пальцемъ, т. к. пѣніе, видимо, составляетъ привилегію мужчинъ и мальчиковъ.

Для развлечения молодежи въ длинные зимніе вечера устраиваются посидѣлки или вечерки. Это происходитъ такъ. Какая либо дѣвушка, выпрашиваетъ у матери или родственницы на одинъ вечеръ избу, въ которую приглашаетъ своихъ подругъ. Тѣ приходятъ, съ работой, преимущественно съ пряжей или шитьемъ и при тускломъ освѣщеніи сального огарка или маленькой закопченой лампы прядутъ или шьютъ, сидя по лавкамъ, и поютъ пѣсни. Но дѣваки еще до этого, какъ только узнали о посидѣлкахъ, сообщаютъ одному или двумъ изъ знакомыхъ парней, а то и просто ребята бродя вечеромъ по улицѣ, сами услышать пѣсни дѣвицъ и заходятъ безпрепятственно. Угощенія на такихъ посидѣлкахъ не бываетъ, развѣ какой либо парень дешевыхъ конфектъ или орѣховъ принесетъ. Чаще всего здѣсь происходитъ то, что на мѣстномъ языкѣ имѣеть название «женихаются», т. е. парни стглядываютъ себѣ невѣстъ, а дѣвушки жениховъ.

Любопытны въ Шемонаихѣ лѣтнія игрища молодежи, происходящіе на полянкахъ, чаще всего у хлѣбозапаснаго магазина, а то и за селомъ на чистой открытой мѣстности. Въ Шемонаихѣ, гдѣ дѣвушекъ и парней насчитывается ежегодно по нѣсколько сотъ, такія полянки въ лѣтніе праздничные дни представляютъ изъ себя грандиозное зрѣлище по своей живой пестротѣ. Вся площадь усеяна живыми движущимися красными, синими, зелеными, желтыми, голубыми и другими яркими цветами.

И несмотря на очевидную некультурность и непоэтичность взаимныхъ отношеній молодежи, отъ нея все же брызжетъ силой и здоровьемъ и вѣтъ простымъ и прочнымъ смысломъ.

Къ труду Шемонаевцы относятся съ большой любовью, особенно къ труду на землѣ. Любопытно наблюдать лѣтомъ, выѣхавъ на любую изъ дорогъ, ведущихъ на покосы или

пашни, когда въ понедѣльникъ изъ Шемонаихи безпрерывной нитью бѣгутъ бойкія, сытые пары лошадей, впряженныя въ крѣпкія простыя телѣги, усаженные здоровыми полными смѣха и пѣсень мужчинами, женщиными, парнями и лѣвицами. И особенно характерно то, что почти всѣ молодоженыѣдуть отдельно, на особой парѣ, сидя близко другъ къ другу рядомъ, при чёмъ мужчины въ бѣлыхъ рубахъ и штанахъ и въ войлочной шляпѣ лодочкой, а женщины въ красномъ сарафанѣ и обязательно съ какой либо работой въ рукахъ—вязанье, вышиванье или шитье. Это на случай ненастія, росы и всякаго вынужденного антракта въ полевой работѣ. По цѣлымъ недѣлямъ они не выѣзжая живутъ въ полѣ и всякая отдельная супружеская чета имѣеть свою бѣлую холщевую палатку.

Шемонаевцы работать болыше мастера. Это выносливые, ловкие и проворные косари и жнецы и ихъ бабы въ рѣдкихъ случаяхъ уступаютъ своимъ мужьямъ.

И если близко присмотрѣться къ жизни простого нетронутаго цивилизаціей, народа долины Убы, то можно увидѣть въ немъ столько своеобразной красоты и прелести, что не трудно полюбить его больше чѣмъ современную издерганную и выдохшуюся интеллигенцію, потерявшую пути къ истинной жизни и способную только ныть и нытьемъ своимъ отравлять все свѣтлое и яркое въ жизни...

Недаромъ же Л. Н. Толстой въ продолженіи своей большої жизненной дороги пытался нась убѣдить въ этомъ и изъ затхлой атмосферы города звалъ на чистый воздухъ, въ просторное поле народной, простой жизни.—

Отъ Шемонаихи начинаются уже большие горы. Такъ на противъ села на лѣвомъ берегу возвышается огромная гора являющаяся угломъ цѣлой горной гряды ушедшей на юго-востокъ. А на востокѣ отъ села стоитъ, похожая на исполнинскій саркофагъ гора Мохнатая, состоящая изъ сплошныхъ безжизненныхъ гранитныхъ утесовъ. Природа здѣсь уже становится наряднѣе.

На рѣкѣ Убѣ въ 14 верстахъ выше Шемонаихи, на лѣвомъ увалѣ, надъ такъ называемымъ Овчинниковымъ лугомъ имѣется небольшой заселокъ, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ небольшихъ глинобитныхъ и частью деревянныхъ избъ. Здѣсь водворены переселившіеся лѣтъ 15 назадъ изъ Виленской губ. бѣлоруссы. Характерно воспоминаніе мѣстныхъ жителей о томъ, какъ первое время жили эти люди, не привыкшіе къ суровой сибирской природѣ. Пріѣхали они подъ осень большимъ обозомъ. Всѣ нарядные, въ пиджакахъ, узкихъ брюкахъ и лаковыхъ сапогахъ, хотя и въ посконныхъ рубашкахъ. На головахъ картузы и теплаго ничего не было. Сами высокіе, тонкіе и бѣлолицые. И вотъ всѣ эти люди должны были на спѣхъ вырыть въ землѣ въ яру увала темные норы и жить въ нихъ всю зиму, еле умѣя добыть себѣ дровъ и хлѣба. Но интересно то, по замѣчанью сибиряковъ, что люди эти привезли съ собою свою южную жизнерадостность, которая умерла въ нихъ только къ нашимъ днямъ. По крайней мѣрѣ въ первые годы въ ихъ земляныхъ норахъ подъ звуки гармоники и скрипки очень часто танцевались мазурки, краковьяки и польки всѣхъ сортовъ.

Теперь они акклиматизировались, погрубѣли и стали зажиточнѣе. Причемъ большинство дѣвушекъ вышло замужъ за сибиряковъ, а большинство парней женилось на сибирячкахъ и скоро отъ бѣлоруссовъ останется одно воспоминаніе.

Въ шести верстахъ отъ заселка Овчинниковскаго есть старая очень типичная деревня Выдриха, въ которой еще лучше сохранилась старина средневѣковой Руси. Особые представители крестьянской патріархальности могли бы служить материаломъ не только для литератора, но и для художника. Это не просто крестьяне, это богатые, умные и умѣющіе сохранять свое достоинство бояре... Таковы—мѣстный крестьянинъ А. П. Фирсовъ, Степ. Ст. Солдатовъ, Сухоруковы, Санаровы и много другихъ... Послѣдніе годы, правда въ значительной степени подорвали ихъ авторитетъ въ глазахъ молодежи, но и теперь можно наблюдать семьи, гдѣ полновластнымъ главою является старшій членъ ея, передъ которымъ

всѣ преклоняются и воля его равняется волѣ свыше. Такъ у Фирсова два сына оба почти по европейски воспитаны, бывають въ Москвѣ и ведутъ крупныя торговыя дѣла своего отца, но во всемъ спрашиваются у своего отца, который грамотѣ научился послѣ 30 лѣтъ своего возраста и теперь грамотенъ и свѣдущъ настолько, что по своимъ судебнымъ дѣламъ съ крестьянами выступаетъ въ качествѣ собственнаго юрисконсульта и не бездолжной эрудиціи.

Когда онъ былъ старшиною, то часто составлялъ бумаги на имя высшаго начальства, къ которому, кстати сказать, относится и до сихъ поръ очень почтительно и оно всегда находитъ въ его обширномъ домѣ радушный и умѣлый приемъ. Его жена и снохи носятъ сарафаны, и вообще режимъ въ его домѣ таковъ, что когда одна изъ его снохъ пала жертвой соблазна въ отсутствіи своего мужа, бывшаго въ солдатахъ, то должна была искупить свой грѣхъ тѣмъ, что наложила на себя руки... Но мы не ставимъ такую патріархальность, какъ образецъ крестьянскаго семейнаго уклада, а напротивъ, какъ исключеніе, ибо А. П. Фирсовъ богатей не отъ трудовъ своихъ, а отъ чисто промышленныхъ торговыихъ оборотовъ, что несомнѣнно стоитъ въ связи съ неизбѣжной эксплуатацией мѣстнаго населенія, среди котораго А. П. хотя и пользуется почетомъ, но не пользуется любовью.

Другой патріархъ С. С. Солдатовъ является сватомъ Фирсова и отличается своей скрупульностью и замкнутостью. Многіе свои десятки тысячъ онъ хранитъ гдѣ то въ подземельяхъ, а своимъ женѣ и снохамъ сарафаны и рубашки къ празднику выдаетъ изъ-подъ замка и своеручно. Деньги свои онъ нажилъ хлѣбными операциями въ старые годы, сплавляя хлѣбъ на сотняхъ плотовъ въ Семипалатинскъ и Омскъ.

Какъ и Фирсовъ стариkъ этотъ необычайного ума, но въ противоположность прямому и громогласному Фирсову, онъ тихъ, молчаливъ и скрытенъ. Его умъ остръ и немного сатириченъ, такъ что многія его остроты и изреченья вошли въ пословицу.

Какъ на болѣе типичныхъ патріарховъ можно указать на тѣхъ изъ главъ семействъ, которыя занимаются исключительно земледѣльческимъ трудомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Вся семья у такихъ патріарховъ находится въ безпрерывномъ труде, какъ и самъ патріархъ, за то безъ ущерба ближнему, люди эти живутъ въ полномъ достаткѣ и независимости. Одинъ изъ такихъ патріарховъ также былъ старшиною и нѣкій администраторъ попыталъ было попробовать на немъ силу своихъ кулаковъ. Патріархъ не отвелъ «высокоблагороднаго» кулака, но принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы добиться справедливости и добился. Высокое благородіе было свергнуто съ высокой должности. И вообще, если всмотрѣться въ недавнее прошлое убинскихъ старожиловъ, то все, что лучшаго въ немъ было—это патріархальность, охранявшая не только вѣру и чистоту нравовъ, но и человѣческое достоинство. Этихъ людей не легко было превратить въ безропотныхъ и безличныхъ рабовъ. Это были люди съ большой человѣческой душою и мягкимъ, отзывчивымъ къ ближнему сердцемъ. Всякаго незнакомаго странника сами позовутъ, накормятъ, обогрѣютъ и вымоютъ въ банѣ. Выругаться нехорошимъ словомъ, поѣсть молока въ пятницу, ослушаться старшаго—было рѣдкимъ и большимъ грѣхомъ, и оттого дѣти до 20 лѣтъ были цѣломудренны, а семейные отношенія освѣщались согласiemъ, взаимнымъ уваженiemъ и мирнымъ трудолюбiemъ...

Выше д. Выдрихи, на правомъ берегу Убы есть большое село Большая Рѣчка гдѣ, имѣется три церкви: православная, единоўречская и австрійская. Народъ здѣсь больше всего напоминаетъ красноярскій и убинскій (с. Убинскаго) и въ значительной степени отличается отъ шемонаевцевъ и особенно выдрихинцевъ, какъ по костюму, такъ и по общей картинѣ нравовъ. Въ общемъ, конечно, это однѣ и тѣ же «поляки» вышедши изъ предѣловъ Польши, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованія Петра Великаго за старую вѣру, но видоизмѣнившіеся по разнымъ причинамъ мѣстнаго происхожденія, въ недавнемъ прошломъ.

А еще выше верстъ на 12 на лѣвомъ берегу Убы расположено

ложено огромное и самое верхнее въ низовьяхъ Убы село Верхъ-Убинское или Лосиха, въ общемъ отъ устья рѣки отстоящее въ ста верстахъ. Это село является главнейшимъ пунктомъ убинского старообрядчества т. к. здѣсь сосредоточены всѣ многочисленныя толки и секты русскихъ раскольниковъ. Здѣсь насчитывается до пяти тысячъ жителей, есть три церкви, волость, цѣлая площадь лавокъ, бываетъ ярмарка и есть каменные магазины. О жителяхъ Лосихи мы скажемъ болѣе подробно ниже.

V.

Страница старины.

Въ с. Лосихѣ, вмѣсто существующей теперь Владимірской волости, раньше было Крутоберезовское волостное правленіе, а еще раньше именно въ концѣ 18 столѣтія была Крутоберезовская земская изба, подчиненная управлявшей тогда всѣмъ горнымъ Алтайемъ канцеляріи Колывано—Воскресенскаго горнаго начальства. При архивѣ волостного правленія и до нашихъ дней сохранились любопытные документы древняго дѣлопроизводства, среди которыхъ имѣются даже рапорты сельскихъ властей, писанные на берестѣ. Нѣкоторые бумаги конца XVIII вѣка и начала XIX намъ удалось достать въ подлинникѣ. Это списокъ съ манифеста императора Павла I о бракосочетаніи дочери его великой княгини Александры Павловны, списокъ съ манифеста императора Александра Благословленнаго о созывѣ войскъ на отечественную войну 1812 года, указы отъ Колывано—Воскресенскаго горнаго начальства, приказы земскихъ управителей и рапорты сельскихъ старшинъ. Документы эти любопытны, какъ по ихъ содержанію, а также и какъ памятникъ старинной каллиграфіи; что же касается ихъ слога и языка, то современные казенные канцеляріи едва ли ушли отъ нихъ въ своеемъ прогрессѣ, хотя и пишутъ уже посредствомъ Ремингтона. Я приведу тексты лишь трехъ такихъ бумагъ, больше всего характеризующихъ духъ старого времени,

Приказъ. Въ Круто-березовское волостное Правленіе.

Господинъ маіоръ Голенишевъ-Кутузовъ рапортомъ по та-
ковому жъ къ нему редута Плоскова отъ казашкаго пятиде-
сятника Коломнина доносить, что изъ того редута отпущен-
ные до деревни Старо-Алейской казаки Максимъ Даниловъ и
Исаакъ Карповъ, гдѣ они прежде жительство имѣли, для заб-
ранья хлѣба и своего собственнаго экипажа на срокъ не яви-
лись, почему посланъ былъ нарочный казакъ, коему Старо-
алейской деревни жители объявили, что тѣ казаки отправи-
лись на двухъ лошадяхъ въ одной телѣгѣ въ деревню Плос-
скую, потомъ на редутъ Плоской не бывали, а лошади ихъ
нашлись пониже деревни Екатерининской по теченію на пра-
вой сторонѣ Алея и по объявленію перевозчиковъ—кресть-
янъ, что того жъ числа съ перевозу украдена одна лодка, а
потому видно, что тѣ казаки бѣжали. Примѣтами жъ оные,
Даниловъ: двухъ аршинъ семи вершковъ, лицомъ бѣль, во-
лосы и брови русые, голова клиномъ, на лѣвой ногѣ рубецъ.
Карповъ ростомъ двухъ аршинъ пяти вершковъ, лицомъ
смуглъ, глаза каріе, волосы и брови темнорусые, на лѣвомъ
боку бѣлое пятно. На нихъ одежды; на первомъ армякъ, шу-
ба поношенная, опояска шерстяная, шляпа, черки, чулки шер-
стяные; на второмъ шапка верверетовая круглая, армякъ, шу-
ба понощенная, опояска шерстяная, сапоги. Съ собою снесли
ружье, винтовокъ двѣ, дробовикъ одинъ, двѣ сумы съ суха-
рями, которыя по многомуиску нигдѣ не найдены. Для того
Крутоберезовское Волостное Правленіе имѣть о присматри-
ваніи и о поймѣ веденія своего жителямъ распубликовать и
ежели гдѣ найдутся, оныхъ забить въ крѣпкія колодки и за
стражею прислать въ крѣпость Устькаменогорскую. Генералъ
маіоръ—(подпись неразборчива) мая 27 дня 1799 года № 167
г.—Устькаменогорской.

Это такъ сказать старинное удостовѣреніе того, какъ рань-
ше убѣгали. А убѣгали сплошь да рядомъ и убѣгали надо
думать не отъ сладкой жизни.

А вотъ второй памятникъ старины.

«Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Все-

rossiйскаго изъ канцеляріи Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства Крутоберезовскому волостному правленію.

Сообщеніемъ Тобольское губернское правленіе д. 3 числа минувшаго мая с. г. знать даетъ, что состоящая на крестьянинѣ Тихонѣ Іевлевѣ недоимка по указу правительствующаго сената изъ 1-го департамента д. 6 мая 1798 года сложена. А по справкѣ оказалось онаго крестьянина Іовлева вслѣдствіе требованія его черезъ управителя Крутоберезовскимъ волостнымъ правленіемъ къ высылкѣ въ свое жительство по случаю накопившейся на немъ немалой казенной недоимки и къ правленію съ прочими крестьянами наряду заводской работы посланы къ управляющему въ Барнаулѣ благочинiemъ г. Маюру Зубареву и Крутоберезовскому волостному правленію указами велѣно: Зубареву Іевлева отослать при врачебномъ письменномъ видѣ за обывательскою стражею въ оное волостное правленіе, на что онъ г. Зубаревъ донесъ, что крестьянинъ Іевлевъ въ волостное правленіе 2 числа марта сего года высланъ, а волостному правленію при присылкѣ того Іевлева въ неотлучкѣ изъ своего жительства отдать на вѣрное поручительство или волостному правленію имѣть за нимъ присмотръ и кромѣ исправленія заводскихъ работъ никуда не отпускать, при чёмъ стараться взыскивать съ него не только Государственная подати и исправленіе заводскихъ работъ, но и въ число состоящей на немъ по *винному содержанію* недоимки, сколько возможно будетъ въ годъ, однако жъ не менѣе 24 руб. (Предполагается ассигнациями: рубль считался около 35 коп.—сумма франц. франка) и отсылать тѣ деньги къ записѣ въ приходъ въ уѣздное казначейство. Канцелярія горнаго начальства приказала: о вышепрописанномъ оному Крутоберезовскому волостному правленію дать знать указомъ. Июня 17 дня 1799 года. Иванъ Алексѣевъ. Секретарь Василій Протопоповъ. Канцеляристъ Семенъ Черчебинъ. № 4974».

Итакъ правительствующій сенатъ недоимку съ Іевлева сложилъ, а канцелярія, изъ которой почему то повелѣваютъ указомъ Его Величества, приказываетъ взыскивать съ Іевлева не только недоимки, но и работы и налоги «по винному со-

держанію» и сверхъ всего никуда его не отпускать, кромѣ какъ на заводскія работы.

Приведу еще одну бумагу изъ архива, которая характеризуетъ старое время съ совершенно иной стороны, т. е. время, когда и урядниковъ за ихъ непристойность простые старосты заколачивали въ крѣпкія колодки и представляли куда слѣдуетъ... (Мы обѣ этомъ мечтать уже не можемъ).

«Въ Крутоберезовское волостное правленіе деревни Большишерѣченской отъ старшинъ Травникова и Кириянова. Рапортъ. Урядникъ Петръ Груздевъ, напившись пьянъ, который на лопшиадиѣздитъ и всякаго ругаетъ и меня старшину и замахивается на каждова плетью и на старшину замахивался и отставного Федора Яркова также всячески ругалъ и называлъ меня прохвостомъ, а именно за то, что я не пустилъ со скотиною въ селеніе и всю сходку и старшину обзывалъ всѣхъ ворами. При семъ урядникъ Груздевъ за буйство въ колодкѣ представляется. Сентября 5 дня 1812 года. Сельская приложена (печать)».

Но это въ своемъ родѣ исключение, да и урядникъ Груздевъ, вѣроятно, совсѣмъ иного типа, нежели современные его коллеги. Больше же всего бумагъ въ Крутоберезовскомъ архивѣ, такъ сказать розыскного характера... Ищутъ подати, ищутъ бѣглыхъ, ищутъ для отбыванія тѣлеснаго наказанія розгами и шпицрутенами, ищутъ отступниковъ отъ православной вѣры и ищутъ бродягъ и колодниковъ.

Недостатокъ времени не даль намъ возможности глубже и продолжительнѣе погрузиться въ Крутоберезовскій архивъ, въ которомъ можно достать очень богатый историческій материалъ.

Словомъ всѣ эти крѣпкія столѣтнія бумаги знакомятъ насъ съ тѣмъ желѣзнымъ режимомъ, который когда то безпошадно давилъ обитателей Убы; заколачивалъ въ крѣпкія колодки, обращалъ въ бѣгство, принуждалъ къ каторжной работе. И неудивительно поэтому, что верховья Убы съ ихъ

дремучими лѣсами, тѣснинами и глушью являлись лучшимъ убѣжищемъ безчисленныхъ бѣглецовъ.

Вотъ эти то бѣглецы: отъ наказанья, отъ тяжкаго ярма, отъ платежа непосильныхъ податей и отъ всевозможныхъ притѣсненій и гоненій за вѣру и были первыми обитателями верховьевъ рѣки Убы.

Относительно охраненія православія и тогда еще были особыя духовныя учрежденія, что мы усматриваемъ изъ бумагъ того же архива. Такъ напримѣръ земскій управитель Ахвердовъ отъ 31 января 1799 г. за № 166 приказываетъ Крутоберезовскому волостному правленію:

«Препровождая при семъ въ оное правленіе два семипалатинскаго духовнаго десято—начальства сообщенія, предписываю немедленно произвестъ по онымъ на законномъ основаніи слѣдствіе, которое и съ сими бумагами по окончаніи представить мнѣ».

Это значитъ, что нѣкое духовное десято—начальство производило бдительный сыскъ надъ убинцами въ ихъ религиозныхъ исканіяхъ и преслѣдовало на законномъ основаніи.

На основаніи же другихъ преданій былъ въ началѣ 19 вѣка слѣдующій случай:

Въ верховья Убы для розыска нѣкоторыхъ бѣжалыхъ преступниковъ былъ высланъ военный отрядъ. Отрядъ этотъ вернулся въ Лосиху съ доброй сотней разныхъ обитателей верховьевъ Убы. Большинство изъ нихъ не были ни въ чёмъ виновны, кроме неплатежа податей и жили въ лѣсу изъ страха передъ начальствомъ. Но всѣхъ ихъ отдали подъ судъ, какъ бѣглыхъ бродягъ и посадили въ Устькаменогорскій острогъ. Тогда вступились двѣ деревни Лосиха и Малая Убинка и стали хлопотать о выдачѣ подсудимыхъ имъ на порученіе. Хлопотали долго и при большомъ расходѣ. Наконецъ добились, что всѣ арестованные имъ были выданы. И вотъ всѣ эти взятые на поруки убинцы стали поочередно «умирать». Въ теченіе почти 3-хъ мѣсяцевъ они всѣ около ста человѣкъ,

«умерли и похоронены» т. е. другими словами, снова ушли въ верховья Убы подъ новыми именами и фамилиями, хотя всѣмъ имъ торжественно и были спралены поминки.....

Имена и фамиліи они давали себѣ сами путемъ самокрещенія. А крестили себя просто: раздѣнутся и съ молитвой погруzятся въ воду р. Убы, одѣнутъ чистое бѣлье и назовутъ себя по святцамъ новымъ именемъ. Отсюда произошли такъ называемые «самокресть», которые значительное время и населяли р. Убу въ верхнемъ ея течении.

VI.

Убинскіе старовѣры вообще и поморское законо- брачное согласіе въ частности.

Появленіе на Убѣ русскихъ раскольниковъ имѣть свою обширную и интересную исторію, о которой мы скажемъ въ другой работе. Въ настоящемъ же очеркѣ мы остановимся на краткомъ ознакомленіи читателя съ старовѣрами на Убѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились въ послѣднее время и въ которомъ находятся теперь.

Послѣ завоеванія Польши, гдѣ они скрывались отъ преслѣдованія русскихъ властей ихъ сотнями семей выслали въ Сибирь, и часть этихъ то «поляковъ» или, по забайкальско-му, «семейскихъ» поселилась въ глухихъ и потаенныхъ уголкахъ Алтая, въ томъ числѣ и на рѣкѣ Убѣ, долина которой привлекла ихъ красотой природы и богатствомъ почвы.

Въ данное время на Убѣ есть слѣдующіе сектанты: единовѣрцы, австрійцы, старики (они же бѣглопоповцы), федосѣевцы, спасовщики или вѣтовцы, самокресть, оховцы или воздыханцы, однопоклонники или дырники и наконецъ поморцы. Мы кратко укажемъ на главныя отличія этихъ толковъ между собой.

Австрійцы, приближаются къ единовѣрію, ибо признаютъ священство, но въ отличіе отъ единовѣрія священство это

ставитъ свое, руководствуясь правилами такъ называемой Бѣлокриницкой ієархії.

Единовѣрцы же отъ православныхъ отличаются лишь сохраниніемъ дониконіанскаго текста въ служебныхъ книгахъ, придерживаются двуперстнаго креста и старинныхъ обрядовъ въ богослужбѣ и пѣніи.

Стариковцы сами себя характеризуютъ такъ: «Мы никуда не пошедши», т. е. обходятся безъ поповъ, при посредствѣ своихъ стариковъ или дьяковъ въ болышинствѣ случаевъ грамотныхъ и пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. Однако они же приглашаютъ къ себѣ бѣглыхъ или растроенныхъ поповъ, которыхъ предварительно обязываютъ проclaimerь «никоніанская ересія». Эти попы иногда наѣзжаютъ и служатъ, а также снабжаютъ стариковъ св. дарами, которыми тѣ пользуются иногда по десятку лѣтъ, сохраняя ихъ на сухарикахъ или разводя медомъ. Поэтому то, стариковцы называются и бѣглопоповцами.

Федосѣвцы—это тѣ же поморцы, но secta эта учреждена старцемъ Федосѣемъ Васильевичемъ еще въ концѣ XVII вѣка, когда онъ бѣжалъ отъ Петровскихъ строгостей въ Польшу. Эта secta не признаетъ священства, пока не будетъ учреждена ієархія по книгамъ и обрядамъ древнаго христіанства, по этому временно оно обходится какъ и поморцы, своими стариками. На отличіе поморцевъ заключается въ томъ, что они признаютъ законность брака а федосѣвцы допускаютъ бракъ подъ условіемъ епитимии и всю жизнь женщину замужнюю считаютъ блудной лѣвицей, такъ какъ по завѣтамъ Федосѣя Васильевича сыны его sectы могутъ спастись лишь безбрачными, а если допускаютъ бракъ, то это уже блудъ, несущій съ собою наказанье.

Поморцы—это слѣдовательно тоже что федосѣвцы, но они считаются фактъ пришествія Антихриста совершившимся и строго отграничиваютъ себя отъ всѣхъ новшествъ, признавая ихъ еретичествомъ сквернымъ. Называются они поморцами потому, что основали свою sectу на сѣверномъ поморѣ, въ Выговской пустыни.

Спасовщики—говорятъ, что нужно молиться и каяться одному Спасу безъ всякихъ свидѣтелей и посредниковъ. А такъ какъ многіе изъ нихъ не признаютъ ничего и никого, кроме Бога, то ихъ называютъ и нѣтовцами, хотя есть версія, что нѣтовцы, кроме того, отвергаютъ всякую необходимость спорить изъ за вѣры.

Самокресты. Это такая секта, которая не признаетъ иного крещенія, какъ крещенія по разумѣнью, т. е. взрослыми, когда крестящійся самъ можетъ разбираться, какая вѣра по его мнѣнію болѣе истинна. Крестятся эти раскольники собственоручно съ молитвой по псалтырю и съ именемъ по святцамъ.

Оховцы, или воздыханцы,—это люди, сознающіе грѣховность жизни своей и предпочитающіе, вмѣсто молитвъ и обрядовъ, всегда помнить и вздыхать о грѣхахъ своихъ.

Однопоклонники. Это люди, не признающіе никакого предметнаго божества, кроме божества вида времени и пространства. Поэтому они поклоняются одному Богу и обязательно подъ открытымъ небомъ, кланяясь на востокъ. А когда молятся въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, то открываютъ какое либо специальнѣо устроенное отверстіе. Отсюда и называютъ ихъ «дырниками».

Была на Уѣ еще такъ называемая «бѣлоногая вѣра». Это вотъ что значитъ: пріѣзжалъ въ 60-хъ годахъ въ Сибирь подъ строгимъ инкогнито бѣглый раскольникъ архіерей, который вездѣ отправлялъ службу съ омовеніемъ ногъ, т. е. держаль ноги бѣлыми и кто послѣдовалъ ему, того и называли «бѣлоногимъ».

Когда приходится встрѣчать эти иногда курьезныя названія, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что, въ силу постоянныхъ религіозныхъ споровъ, сектанты часто острять другъ надъ другомъ и названія «оховцы», «нѣтовцы», «дырники», «бѣлоножки» и др. даютъ не сами себѣ, а другъ другу, стараясь этимъ уязвить противника.

Обиліе вѣрованій, съ одной стороны, и потеря главныхъ руководителей и патріарховъ, которыхъ разными администра-

тивными мѣрами устранили съ Убы—съ другой, способствовали еще большимъ спорамъ и дробленіямъ, и среди раскольниковъ получилось замѣнительство. Они чаще стали спорить и сомнѣваться, чаще переходить изъ вѣры въ вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивать прежнюю аскетическую стойкость и подвижничество.

Но искра исканія истины не гасла у старовѣровъ, и одинъ изъ наиболѣе твердыхъ и предпріимчивыхъ раскольниковъ, житель верхъ-убинскихъ лебрѣй—Иванъ Федотычъ Егоровъ, будучи уже 50-лѣтнимъ старикомъ, посыпаетъ своего старшаго сына, 20 лѣтняго юношу Нифантія, въ далекую сторону въ Сибирскую тайгу, гдѣ должны скрываться истинные раскольники, найти истинную вѣру Христову.

Было это въ 80-хъ годахъ, когда и отсутствіе путей сообщенія въ Сибири и гоненіе на старовѣровъ требовали отъ юнаго искателя вѣры большой находчивости и самостоятельности.

Нифантъ отправляется въ путешествіе, какъ и другіе странники «Бога ради» и долгое время пропадаетъ безъ вѣсти, странствуя по глухимъ угламъ Томской тайги.

Наконецъ, гдѣ то на рѣкѣ Яѣ онъ знакомится съ старообрядческимъ семействомъ поморцевъ Нифантовыхъ. Здѣсь онъ долгое время живетъ, присматривается къ ихъ обычаямъ и религіи и находитъ, что это то самое, зачѣмъ послалъ его отецъ. Вполнѣ усвоившій всѣ мотивы и запасшійся книгами, онъ однако не принимаетъ сразу новую вѣру, но возвращается въ убинскіе лѣса къ отцу, котораго и знакомитъ детально съ святымъ богажемъ, вынесеннымъ изъ путешествія.

Старикъ отецъ, пораженный откровеніемъ, въ тотъ же мѣсяцъ шлетъ всѣхъ своихъ сыновей, тогда еще молодыхъ, въ разные концы Убы и даже на р. Алей съ вѣстью, чтобы всѣ старообрядцы, желающіе объединиться въ истинной вѣрѣ, собирались въ с. Бобровское, гдѣ въ то время жили самые крѣпкіе старовѣры и было ихъ больше, чѣмъ въ Лосихѣ. И вотъ на завтра со всѣхъ концовъ Убы и Алея верхами мчатся угрюмые сѣдобородые христіане, причемъ изъ одной толь-

ко Гилевой, что на Алеѣ, выѣхало около шестидесяти всадниковъ и проѣхало больше ста верстъ въ одну ночь.

Представьте себѣ, что гдѣ-то въ угрюмой и дикой странѣ, по горнымъ тропамъ темной ночью во весь опоръ мчится больше ста верстъ эта кавалькада въ шестьдесятъ старииковъ—вityзей, въ зипунахъ и рукавицахъ, на самолучшихъ взмыленныхъ коняхъ затѣмъ, чтобы провѣрить, а можетъ быть и отстоять свою духовную правду...

Но первый духовный соборъ въ с. Бобровѣ не пріемлетъ новую вѣру Егорова. И послѣ шумной бесѣды, продолжавшейся около двухъ дней, всѣ разѣзжаются, не сдавшись.

Но не успокоившійся Егоровъ вскорѣ собираетъ второй соборъ въ Лосихѣ, но и здѣсь, благодаря огромному вліянію мѣстнаго дьяка Федосѣевскаго согласія, многіе изъ сомнѣвающихся примыкаютъ къ федосѣевцамъ, а вѣра Егорова опять остается не пріемлемой. Тогда молодой начетчикъ Нифантій Егоровъ разъясняетъ отцу, что федосѣевцы должны быть безбрачными, тогда какъ лосевскіе федосѣевцы всѣ женятся. Это вдохновляетъ старика Егорова организовать третій соборъ, который онъ и устраиваетъ уже въ д. Гилевой, на берегу Алея. Но и здѣсь послѣ долгихъ религіозныхъ споровъ старикъ Егоровъ долженъ былъ убѣдиться, что его предложеніе не пройдетъ. Тогда онъ при тысячномъ стеченіи народа единолично и собственноручно крестится въ р. Алеѣ и первый принимаетъ ту вѣру, которую вывезъ его сынъ съ р. Яи.

Это и было первое на Уѣѣ принятіе исповѣданія такъ наз. поморского законообрачнаго согласія. Но старикъ Егоровъ долгое время является одинокимъ въ своей вѣрѣ и даже члены его семьи и сынъ Нифантій не решаются принять новую вѣру. Старикъ отдельно пьетъ и ёстъ, отдельно молится и черезъ годъ полнаго аскетизма побѣждаетъ. Сначала крестятся его лѣти, затѣмъ нѣкоторые сосѣди, позже начинаютъ у него креститься лосевцы, прѣезжая къ нему, какъ къ первосвященнику, десятками.

А къ рассматриваемому нами времени поморское законо-

брачное согласіе является преобладающимъ уже во всемъ верховыи Убы и всѣ остальная секты совершенно теряются среди поморцевъ, исключая конечно нижне-убинскихъ австрійцевъ и старииковцевъ, живущихъ въ сторонѣ отъ Убы. Поморцы неустанные дѣятели, непримиримые спорщики, и широкая проповѣдь ихъ является одной изъ главныхъ чертъ ихъ жизни. Кромѣ того, это удивительно впечатлительный, подвижной и до хитрости смѣтливый народъ.

Теперь поморское согласіе является главенствующимъ и по социальному, вѣрнѣе экономическому, значеню для лосевцевъ и верхубинцевъ. Это понятно вотъ почему. Теперь почти всѣ богатые крестьяне перешли въ поморство и имѣть дѣло съ ними не поморцамъ въ большинствѣ случаевъ не только не удобно, но и немыслимо. Въ бракъ съ поморкой не вступишь, пока не примешь поморства самъ, точно также и не выдашь своей дочери за поморца, не превративъ ея въ поморку. Дальше: всѣ поморцы имѣютъ огромныя пасѣки, скотоводство и другія отрасли хозяйства. Сношенія съ ними на этой почвѣ не поморцамъ крайне затруднительны, точно также и въ отношеніи общественныхъ интересовъ поморцы, благодаря своей сплоченности, всегда возьмутъ перевѣсъ, а потому большинство не поморцевъ идетъ въ ихъ вѣру изъ чисто экономическихъ выгодъ. Вотъ почему слѣдовательно и главары поморства всячески содѣйствуютъ укрѣплению своей вѣры и пріобщенію къ ней большаго количества прихожанъ, и дѣйствительно среди поморцевъ очень трудно найти бѣдняка.

Подъ условіемъ не проходить впередъ и не молиться, мнѣ удалось попасть на богослуженіе поморцевъ въ ихъ молитвенный домъ въ с. Лосихѣ, почему я считаю нужнымъ подѣлиться и этими впечатлѣніями. Вообще для лучшей характеристики нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ убинскихъ старообрядцевъ, я приведу нѣсколько краткихъ штриховъ.

Лосевскій молитвенный домъ—снаружи имѣть видъ обыкновенной раскрашенной деревенской церкви съ колокольней наверху, съ оградой вокругъ и съ тремя главами. Внутри же имѣть форму большого четырехугольного и продолговатаго

зала съ гладкимъ потолкомъ, съ некрашенными стѣнами и безъ алтаря. Иконостасъ представляетъ собою нѣсколько ярусовъ, поставленныхъ врядъ старинныхъ иконъ на передней стѣнѣ. Передъ каждою иконой горитъ свѣчка домашней работы изъ желтаго «яраго» воска, а передъ амвономъ люстра въ 9 свѣчей. Всюду въ молитвенномъ домѣ поставлены скамьи, табуреты и лавки. Когда я вошелъ, сопровождаемый острыми взглядами старовѣровъ, служба еще не начиналась. Всѣ сидѣли на скамьяхъ, а дѣти на амвонѣ, спиною къ иконостасу. Молодой дьякъ стоялъ у аналоя и нараспѣвъ читалъ евангелие. Слушали всѣ, хотя нѣкоторые, увидѣвъ меня, стали перешептываться.

Кончилось чтеніе, и старшій дьякъ, одѣтый просто въ черную подлевку изъ нанбука, вошелъ на амвонъ и, перекрестившись лвуперстно, замеръ въ неподвижной позѣ.

Всѣ зашевелились, встали съ мѣстъ и стали класть «начало». «Начало» кладутъ передъ всякой продолжительной молитвой. Всѣ вразъ перекрестятся и трижды поклонятся въ землю, каждый вслухъ произнося краткую молитву. Отъ общихъ поклоновъ и общей молитвы вслухъ, на минуту водворяется глухой шумъ, будто ворвалась буря. Затѣмъ тотчасъ же, какъ по одному мановенію, все смолкаетъ, и всѣ какъ по командѣ, замираютъ въ неподвижной позѣ, поджавъ кисти рукъ подъ мышки и смотря на иконы. Всѣ женщины, стоявшія слѣва позади, одѣты въ черныя юбки и платки, повязанные по русски, а всѣ мужчины приходятъ въ церковь въ черныхъ длинныхъ подлевкахъ, глухо застегнутыхъ на груди, и въ черныхъ же бутылахъ, подвязанныхъ ниже колѣнъ. По приходѣ въ молитвенный домъ, молящійся широко крестится, съ размаху дѣлаетъ поясной поклонъ, затѣмъ достаетъ изъ кармана четырехугольную, сшитую изъ цветной матеріи подушечку, бросаетъ ее на полъ и отдаетъ земной поклонъ, опираясь на нее. Затѣмъ встанетъ, повернется лицомъ къ входу и на три стороны поклонится всѣмъ молящимся. Эти подушечки въ изобилии висятъ на стѣнахъ вмѣстѣ съ шапками и лежатъ на скамьяхъ для желаю-

шихъ. Характерно еще, что и дѣти отъ 6 до 12 лѣтъ, иногда босыя, безъ шапокъ на совершенно кремовыхъ головахъ, но въ черныхъ поддевкахъ, также съ размаху кланяются сначала иконамъ, и взявъ кисти рукъ подъ мышки, замираютъ въ неподвижной позѣ, поставивъ ноги пятками врядъ. Въ отдѣльности никто не молится: всѣ въ одно мгновеніе, смотря на дьяка. Пѣніе старинное, болѣзньно-ноющее и обязательно надтреснутыми, какъ-бы дребезжающими голосами, производимыми скорѣе носомъ, нежели горломъ. Слушая это пѣніе, невольно уносишься въ первые вѣка христіанства, когда, гонимые язычествомъ, христіане пѣли гдѣ либо въ подземельяхъ, въ пещерахъ и когда, наряду съ славословиемъ Бога, они не могли не выразить въ голосѣ своихъ мученическихъ страданій и скорби.

По окончаніи службы всѣ садятся на скамьи, начинаютъ разговаривать и уходятъ лишь нѣкоторые, но большинство ожидаетъ здѣсь же собесѣданья, иногда на общественные темы, но больше на религіозныя. Въ это время ко мнѣ поочереди подошли нѣсколько старовѣровъ съ вопросами: что я за человѣкъ? Когда я объяснилъ, не скрывая своей цѣли, тогда они поинтересовались моей вѣрой. И вотъ каждый изъ нихъ, получивъ отвѣтъ, что я православный, т. е. никоніанинъ, быстро отходилъ отъ меня и начиналъ торопливо молиться и кланяться.

Я приведу одинъ изъ отрывковъ междумолитвенного собесѣданія.

Старшій дьякъ беретъ евангеліе, садится на простую тяжелую скамью и нараспѣвъ начинаетъ читать его, то и дѣло разъясненія слушателямъ текстъ, напримѣръ:

— Текстъ: «иже возлюбить отца или матерь свою паче Мене—нѣсть Мене достоинъ!»

Комментарій дьяка:—Ишь вотъ Онъ что говоритъ, Господь-то. Значитъ, примѣрно, отецъ али мать совѣтуетъ тебѣ перемѣнить истинную вѣру—отшатись отъ нихъ, пріди къ Господу Богу... Значитъ ради истинной вѣры, даже отца и матери не слушаться Онъ дозволяетъ.

Слушатели жадно ловятъ каждое слово и какъ бы въ назиданье кому-то, оглядываясь назадъ, даютъ слѣдующія реплики:

—Гм... Ишь вотъ оно какъ!

—Да, вотъ Онъ значитъ Господь-то!..

—Ну да къ вѣдь оно не зря и сказано...

—На вотъ! На то и святое писанье!..

А на одной изъ среднихъ скамей сидитъ огромный мужикъ съ большой сѣдой бородой и совсѣмъ еще молодымъ лицомъ. задернутый носъ которого придаетъ ему выраженье веселости и задора и громаднымъ басомъ говоритъ:

—Вотъ я и говорю Семену Прокопьевичу-то... австріякъ вѣдь онъ—пошто же моль ты не идешь къ намъ? А онъ и молвитъ мнѣ: крѣпко-то крѣпко вы молитесь, спаси васъ Богъ, а все таки, говоритъ, бросить свою боязно, потому-говорить — родители такъ молились! «А оно ишь вотъ чё сказано!»

А дьякъ продолжаетъ:

«Иже возлюбить братъ или дщерь свою паче Мене—нѣсть Мене достоинъ!»

А большой мужчина опять поддакиваетъ:

—Да-а! Значитъ отъ всѣхъ сродственниковъ?.

И дьякъ поверхъ очковъ побѣдоносно оглядывается при-
сутствующихъ, пока сказанныя слова не произведутъ долж-
наго эффекта.

Послѣ собесѣдованія начинается служба часовъ, во время которыхъ дьякъ скромно и тихо даетъ возгласы и изъ особой кадильницы съ ручкой производить кажденіе. Кадить овъ каждую икону правой рукой крестообразно, причемъ передъ каждой иконой отдельно крестится, а затѣмъ кадить молящихся, которые въ это время подставляютъ пригоршни.

По окончаніи часовъ я просилъ показать мнѣ находящуюся въ церковной оградѣ старообрядческую школу, только что выстроенную, но не отдаленную, въ которой обучаются по

псалтири и по старинкѣ, давая школьникамъ указку. Старовѣры согласились, но послѣ осмотра мною школы произошелъ маленький инцидентъ. Меня окружила большая толпа мужчинъ и стала довольно недружелюбно допрашивать меня, кто я, зачѣмъ, почему и имѣю ли документъ?

Выдвинулся впередъ нѣкто Акипсимъ Евтѣевичъ Карловъ. Это пожилой но энергичный кержакъ съ полусѣдой бородой и острыми синими глазами, смотрящими презрительно:

— Да ты признавайся: студентъ ты?

— Нѣтъ не студентъ!

— А я говорю: студентъ!

— Ну хорошо, пусть студентъ!—говорю.

— Ага, студентъ! Значитъ еретикъ и супротивникъ! Я говорю вамъ—обращается онъ къ прочимъ—что нечего толковать съ нимъ!..

Остальные мужики неодобрительно на меня косились. Положеніе создалось смѣшиное и непріятное. Пришлось повысить голосъ, чтобы овладѣть вниманьемъ толпы.

Послѣ непродолжительного объясненія о томъ, что студенты не враги никому вообще, а я въ частности, я попросилъ проводить меня къ ихъ старшему дьяку. Онъ оказался здѣсь же Это небольшой, но коренастый и смуглый старикъ съ умными сѣрыми глазами—Григорій Арефьевичъ Козловъ.

Онъ снисходительно согласился побесѣдоватъ со мною, но назначилъ для этого вечерніе часы, когда онъ вернется съ пасѣки.

Пока что, меня оставили на свободѣ, но неугомонный Акипсимъ все время слѣдилъ за мною и то и дѣло съ группой мужиковъ проходилъ мимо моей квартиры. А когда послѣ обѣда я отправился къ Козлову, онъ встрѣтилъ меня на улицѣ, окруженный цѣлой толпой любопытствующихъ и усмѣхливо сопровождалъ меня до дьяка.

У Козлова мы устроили цѣлую бесѣду, которая началась

тѣмъ, что Акипсимъ сталъ насмѣшиливо исповѣдывать меня, засыпая священными текстами и своеобразными, сне совсѣмъ цензурными каламбурами...

Очень долго Акипсимъ форсилъ передо мною своимъ краснорѣчиемъ и свободой мысли, но пріѣхалъ съ пасѣки верхомъ дьякъ Козловъ и онъ услужливо взялъ его лошадь и сталъ разсѣдливать.

Затѣмъ въ просторной и опрятной русской избѣ Григорія Арефьевича, за крѣпкимъ сосновымъ столомъ, подъ руководствомъ умнаго и степеннаго хозяина мы долго бесѣдовали и здѣсь Акипсимъ говорилъ со мной, уже какъ со взрослымъ и вѣль себя благопристойно, а по окончаніи бесѣды мы разстались совершенно довольные другъ другомъ, причемъ всѣ присутствовавшіе относились ко мнѣ уже не свысока, а какъ къ равному и съ полнымъ довѣріемъ, повѣдавъ мнѣ самыя сокровенные тайны минувшихъ своихъ бѣдъ и напастей.

А напасти были настолько велики, что до указа 17 апрѣля 1905 года старообрядцу нельзя было ни родиться, ни умереть, т. к. ни обряда крещенія, ни обряда погребенія, совершить было нельзя.

Преслѣдовали не только священники, но и всѣ, кому хотѣлось поживиться на счетъ старовѣровъ.

— Соберутся у кого либо два старообрядца—сейчасъ же обыскъ. Если не нашли книгъ, а увидѣли только капельку воска—придирка—значитъ, молились, значитъ протоколъ!... Лѣтъ пятнадцать назадъ въ одно изъ тайныхъ богослуженій ворвались подъ предсѣдательствомъ священника мѣстные поселковые казаки и, разбросавъ всѣ книги и иконы, избили и разогнали всѣхъ старообрядцевъ.

Кромѣ сказанного, Лосиха весьма характерна еще очень частыми старообрядческими молебнами. Молебны эти устраиваются такимъ образомъ. Какая либо старовѣрческая семья, какъ изъ поморского, такъ изъ другихъ согласій, приглашаетъ къ себѣ дьяка, пѣвчихъ и молящихся т. е. своихъ родныхъ и знакомыхъ и проситъ ихъ помолиться о здравіи дан-

ной семьи или отдельного члена ея, а нередко и за упокой какого либо усопшаго. Но прежде чёмъ созвать молебень, варять хорошее медовое пиво и готовить много стряпни. Послѣ непродолжительной молитвы, всѣ усаживаются за столы и съ молитвой во славу Божію начинаютъ питаться. Хозяева безпрерывно обносятъ всѣхъ медовымъ пивомъ, которое такъ хмельно, что двухъ—трехъ стакановъ достаточно, чтобы не привыкшій къ нему не смогъ подняться съ места. Но привыкшіе лосевцы выпиваются его много и вскорѣ отъ молитвъ переходя къ оживленнымъ разговорамъ, затѣмъ мало по малу затягиваются пѣсню... И скучные будни неизѣстистой жизни, такимъ образомъ, нарушены до слѣдующаго объединяющаго всѣхъ молебна.

Правда, такія молебны нередко кончаются рукопашной, но за то всѣ ея послѣдствія старовѣры разрѣшаютъ собственными средствами и по преимуществу мировой на новомъ молебнѣ...

Въ заключеніе моего очерка приведу нѣсколько бѣглыхъ сценокъ, рисующихъ бытовую сторону убинскихъ старообрядцевъ.

Наибольшей людностью въ селахъ по Убѣ отличаются торговыя лавки, въ которыхъ жители узнаютъ злободневныя новости, публикуютъ события, обмѣниваются впечатлѣніями и просто глазѣютъ. Здѣсь можно иногда наблюдать весьма интересныя сценки.—

Такъ, напримѣръ, входя въ лавку, крестьяне отыскиваютъ глазами икону своего «согласія», т. к. въ лавкахъ всегда три иконы: православная, старицкая и поморская и если молится поморецъ, то стариовецъ одновременно молится не станетъ, а выждеть. Бываетъ и такъ: входить дѣвушка, здоровая, бѣлокурая и румянная, съ гладко прилизанной бѣлой косой, а передъ иконой ея у прилавка стоитъ киргизъ. Она крестится и смотря на киргиза, говорить:

—У-у, дьяволъ!—Это выходитъ вмѣсто молитвы, и киргизъ добродушно смеется:

— Ты видно черту молишься?!. Ой, джеманъ урусь: вѣра твоя туда сюда болтаетъ!..

Входитъ мужичекъ, по-казачи одѣтый, съ шапкой на ухо, видимо идущій издалека въ лѣса на промыслы и приважно озирается по сторонамъ.

—Что нужно?—спрашиваетъ приказчикъ.

—Погоди! надо поглядѣть сперва!

Долго смотрить на полки и затѣмъ торжественно произносить:

—А ну ка, дай осьмушику махорки!

—А еще что?

—А больше ничего!—и лѣзеть за голенище достать четыре копѣйки за табакъ.

Присутствующіе старовѣры сурово отвертываются и презрительно сплевываютъ.

Входятъ двое: старенькая, совсѣмъ изсушенная жизнью баба и высокій уже пожилой и бородатый сынъ ея, одѣтый въ длинную коричневую рубаху, войлочную шляпу и бутылы. Старушка въ красномъ подшалкѣ и нарядной покромкѣ кладетъ на прилавокъ свои черные, жилистые руки и, приглядываясь къ полкамъ, шуритъ свои слезящіеся глаза.

Мужикъ говоритъ:

—Дай-ка, торговый, чего нибудь покрасивше на сарафанъ!

Старуха, улыбаясь, вытираетъ крючковатою рукой и безъ того сухія губы свои и протестуетъ:

—Ой, да на што мнѣ, старухѣ, покрасивше-то!

Да пофорси ты у меня! Умрешь скоро да и не доведется большие мнѣ наряжать-то тебя;—возражаетъ онъ строго... Старухѣ это нравится, она радостно хихикаетъ и не противится.

Посреди лавки стоять, разговаривая, двѣ полныя молодыя бабы, нарядно одѣтые. Одна съ новымъ подойникомъ на рукахъ, а у другой въ рукахъ мотокъ цветного гаруса. Въ это

время съ улицы входитъ подвыпившій лысый мужикъ и, взявъ одну изъ бабъ за плечо лѣвой рукою, правой показываетъ на нее, и устремивъ глаза къ приказчику, восхищенно кричить:

Баба-то! Баба-то, глядь, какая! Ровно перина, Ѳдятъ ее муки!..

Та хихикаетъ, швыркаетъ носомъ и, отгибая на бокъ голову, косится черезъ плечо на подругу и надменно молвить:

Ишь че!.. Гляди-ка ты на ево!..

И такія сценки, иногда чрезвычайно художественны по содержанію, можно наблюдать почти во всѣхъ убинскихъ селеніяхъ.

Въ общемъ жизнь убинского народа всегда полна своеобразнаго интереса, особенно въ зимнее время, когда учащаются вечерки, пирушки, молебны и свадьбы. Тогда можно наблюдать дѣйствительное кипѣніе и душъ и сердцеъ этого скромнаго и непригляднаго во время трудового лѣта народа.

Одѣтая во все красное, съ румянными отъ здоровья и мороза лицами, молодежь просится на картину. Громкія, лихія и стройныя пѣсни, удалыя тройки и пары, убранныя лентами и кистями гаруса, раскрашенныя кошевы и пошевни, расшитые бархатныѣ халаты и рѣкой льющаяся медовая брага.—Это не жизнь, а сплошная оригинальная опера и для любителя русскаго жанра здѣсь широкое поле для художественной жатвы, будь этотъ любитель поэтъ, художникъ или даже композиторъ...

VII.

Средняя Уба и ея пороги.

Отъ Лосихи русло Убы идетъ извилистымъ и высокимъ коридоромъ между громадныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Природа здѣсь въ значительной степени приближается къ природѣ Катунскаго Алтая, а такъ какъ здѣсь южнѣе и постояннѣе климатъ, то мѣстная флора еще богаче и цветенѣе, ея

продолжительнѣе. Вся долина р. Убы въ среднемъ ея теченіи заселена старовѣрами и преимущественно поморцами. Такъ каждое устье впадающихъ въ Убу многочисленныхъ рѣчекъ имѣютъ по три по четыре заемки, на которыхъ всегда имѣется отъ двухъ до шести дворовъ. Занимаются жители главнымъ образомъ скотоводствомъ и пчеловодствомъ, частью лѣсосплавомъ, а съ недавнихъ поръ, когда порѣдѣли лѣса на крутыхъ склонахъ горъ и на высокихъ горныхъ террасахъ, стали появляться хлѣбные полосы. Онѣ висятъ какъ панно или картины и ласкаютъ взглядъ своей яркой бархатистой зеленью.

Для болѣе полной характеристики убинской природы, я приведу картинку своего путешествія по одной изъ тропинокъ на берегу Убы.

Капризной, тонкой и кривой паутинкой вѣтвится эта горная тропа по обрывистому притору.

Внизу голубой широкой лентой шумитъ Уба, ополаскивая крупные валуны, похожія на пышныя и большія пищеничныя булки. А тамъ, гдѣ Уба стихла въ глубокомъ плесѣ будто на отдыхѣ, она отразила въ себѣ голубой лоскъ неба и крупный утесъ противоположнаго берега, увѣнчанный темными пихтами, и кажется, что повиснувъ внизъ верхушками, отраженная пихты смотрятъ въ безпредѣльную глубь опрокинутаго неба.

Вечерѣетъ...

Оранжевые тучи съ золотыми краями тихо и беззвучно выползаютъ изъ-за высокой лохматой горы, будто идуть по ея темени и тоже отражаются въ водѣ золотымъ пожаромъ... И оттого, что солнце склонилось за верхушку другой остроконечной горы, отъ нея брошена голубоватая прохладная тѣнь на подолы ея сосѣдокъ, и подгрѣзанныя тѣнью внизу онѣ кажутся покрытыми сверху красно-зелеными колпаками и весело улыбаются прошальному свѣту дня... Будто просвѣтленныя какой-то торжественной радостью, вспыхнули ихъ короны огнемъ молитвы и тихо ждутъ ночного дремотнаго покоя...

По краямъ тропинки высокая и сочная трава. Лошадь моя идетъ медленно и срываетъ ея цвѣтуція верхушки. Сзади, за- воротивъ бородатое лицо вверхъ, къ вершинѣ горы, ёдетъ мой товарищъ Дементій Федорычъ и про себя потихоньку что-то мурлычетъ, и въ тактъ шаговъ своей лошади качаетъ бутылами, воткнутыми въ гнутия изъ черемухи стремена.

Мы ёдемъ все выше, все выше и, наконецъ, пересѣкаемъ голубую линію тѣни, очутившись въ предѣлахъ золотого колпака, одѣтаго закатомъ солнца...

Вотъ тропа всползаетъ на крутой и совсѣмъ отвесный обрывъ и высокій перевалъ, откуда бросается въ головокружительную пропасть.

На вершинѣ останавливаемся, залюбовавшись поразительной пышностью и величиемъ открывшейся панорамы... Вдали огромные и сизые силуэты горныхъ хребтовъ, вблизи темно-зеленая цѣпи Убинской долины и темно-синій лабиринтъ безконечныхъ моршинъ, прорытыхъ настойчивостью горныхъ потоковъ... Альпійскіе луга, щетина лѣсовъ и все это позолоченное сверху и густо затушеванное внизу приникшими предвечерними тѣнями, создаетъ впечатлѣніе чего-то сказочнаго, что властно уноситъ въ міръ иныхъ ощущеній.

А Дементій все еще мурлычетъ и смотрить уже внизъ на глубоко запавшую въ ущелье Убу и, подбоченясь рукой о свое бедро, онъ въ своемъ кошемномъ шишакѣ напоминаетъ мнѣ былиннаго витязя, размышляющаго у трехъ дорогъ: куда ему ёхать?

Любуюсь имъ и не хочу, чтобы онъ шевелился: будто это легендарный окаменѣлый богатырь, слившійся съ массивомъ горы.

— Ну, шевели давай!—говоритъ онъ просто и дружески.— А то тамъ есть неловкій приторъ еще: ночью-то не ладно тамъ...

— А что?

— Да не ловко, моль: оборваться не долго...

Поползли внизъ, готовые каждую минуту покатиться по заячьи, кувыркомъ... Но обѣ этомъ не думаешьъ, потому что окрыленная красотой душа летить гдѣ-то надъ синевой ущельй, надъ прохладой лѣсовъ и надъ неподвижностью угрюмаго величія скалъ...

Вѣтви деревьевъ царапаютъ, толкаются, а лошади заднихъ ногъ не переставляютъ и тихо перебирая передними, плывутъ, плывутъ внизъ по влажной и кривой тропѣ...

И вокругъ этотъ самобытный лѣсъ.

Рядомъ съ высокой стройной пихтой стоитъ непринужденно выросшая береза, склонившись на плечо могучей осины рядомъ съ догнивающей упавшей лѣсиной—цѣпь молодыхъ елей, черемухи, калины и березъ. Вотъ иструхшій пень и изъ средины его поднялась молодая акація, а вотъ у ствола старой ели огромный муравыиный замокъ, высотою до двухъ аршинъ и до трехъ аршинъ въ диаметрѣ. Вотъ лежить, какъ большая изба, покрытая мхомъ каменная глыба и изъ подъ нея сочится свѣтлый ручеекъ, образуя ниже маленькое озерко. Вотъ заросшія травою и молодыми кустами вершины упавшихъ березъ: онѣ бѣлы и звонки, какъ высохшія кости верблюда. Вотъ почти изгнившій и кѣмъ-то видимо давно заготовленный, но не взятый строевой лѣсъ, а вотъ, какъ монахи въ рясѣ, обгорѣвшіе, высохшіе пихтовые пни, памятники опустошительныхъ пожаровъ. А дальше деревья бѣгутъ въ гору все выше и выше на самые готически-причудливые конусы, гдѣ, какъ острыя иглы стоятъ не выдержавшіе холода пихты и, засохшія, ждутъ своей гибели на корню... Внизу реветь Уба и мечется, какъ закованный въ каменные стѣны голубой змѣй, а трава мѣстами такъ высока, что верхушки ея бываютъ по лицу...

Спустились на дно ущелья, и вдругъ стало темно и сыро.

— Ёсть хошь?—спрашиваетъ Дементій и изъ-за пазухи тонкой сермяги своей достаетъ бѣлый помятый калачъ, данный намъ днемъ на одной изъ заимокъ...

Раздѣлили пополамъ, а мой Дементій точъ въ точъ какъ Илья Муромецъ «ѣдетъ, хлѣба кусъ жуя».

Дорогу пересекает бурная рѣчка, такая бурная, что бѣлой пѣной кипитъ отъ бѣшеной скачки и прыгаетъ, прыгаетъ черезъ отшлифованные камни...

— Ночуемъ? — спрашиваетъ Дементій громко, чтобы перекричать рѣчку.

Остановились мы въ размыщленыи... Затѣмъ молча слѣзли, хлѣбъ обмакнули въ воду...

— Чай согрею тебѣ! — искушаетъ онъ меня.

Вижу, что ему хочется ночевать: лошадей жаль.

— Только не чай, а кашу: — говорю я, зная, что товаришъ, какъ старовѣръ, чаю не пьетъ.

— Да, вѣдь, ты стосковался поли по чаю-то! Ужъ недѣлю не пьешь!..

— Нѣтъ кашу! — и начинаемъ развязывать коней.

Собираю хворостъ, приминаю высокую и уже влажную траву простымъ броскомъ на боковую, возбужденно смѣюсь и безпричинно громко кричу, чтобы разбудить красивое горное эхо...

Совсѣмъ стемнѣло. Реветь возлѣ насъ рѣчка, пасутся въ высокой травѣ привязанные за лѣсину кони, чутко поднимая уши и къ чему-то прислушиваясь...

Ярко пылаетъ костеръ, бросая отъ насъ большія тѣни въ глубь лѣса и чернымъ пятномъ виситъ надъ нимъ котелокъ съ кипящей кашей...

Дементій Федорычъ, ломая черезъ колѣно хворостъ то и дѣло оглядывается на лошадей и просто, не торопясь, говоритъ:

Этто у Селиверста на заимкѣ трехъ сразу задралъ, смотри!..

— Водится же?

— Куда «онъ» дѣвался! У меня на той недѣлѣ двѣ колодки въ пасѣкѣ испакостилъ... Да умный вѣдь, окаянный: сначала, въ рѣчку снесеть, утопить пчель-то, а потомъ торнеть о землю и вылижеть...

Облокотившись, лежу у костра и смотрю на огонь, а ду-

шей уношусь въ глубь загородившихъ насъ глухихъ убинскихъ лебрей, гдѣ какъ и много вѣковъ назадъ, вольно гуляетъ медвѣль, и говорливо рокочутъ горные потоки.

И немножко жутко, но больше красиво на душѣ и клонить ко сну...

Дементѣй торопливо встаетъ на одно колѣно и относить съ огня поплывшій котелокъ:

— Стой, стой, стой! — увѣшеваетъ его — ишь какъ разгулялся.. Не спи, Митричъ, кашу єсть скоро будемъ!..

Встаю на ноги, прогоняя сонъ и смотрю назадъ, а тамъ все слилось въ сплошную черную стѣну и слышно лишь отдаленный шумъ Убы и говоръ сосѣдней рѣчки.. И видно — только однѣ далекія и яркія звѣзды.

Забредаю въ траву и, какъ погруженный въ воду, выхожу обратно совсѣмъ мокрый и ободренный холодной росою.

— Искൃпался? — добродушно смеется Дементѣй и, мѣшая кашу, совѣтуетъ: Сушись давай у огоњка!

На заимкѣ Дементѣя Федорыча Недобиткова я сдѣлалъ на нѣсколько дней привалъ.

Мы теперь находимся въ среднемъ ея теченіи, верстахъ въ 200 отъ устья.

Прохладнымъ и румяннымъ юньскимъ утромъ вмѣстѣ съ Дементіемъ Федоровичемъ съ его заимки мы тронулись къ верхнимъ Убинскимъ порогамъ. Отъ самой заимки пришлось всползать на крутой и довольно опасный бомъ или, по убинскому, приторъ, идя по которому лошади часто оступались, рискуя свалиться. Затѣмъ извилистой долиной рѣчки Карагужихи, мимо хлѣбныхъ посѣвовъ, луговъ и тополевыхъ рощъ, мы версты черезъ три достигли заимки Александра Ивановича Троеглазова, отъ которой уже доносился до насъ сдержанній говоръ Убы.

Долина ея идетъ здѣсь съ сѣверо-востока на западъ неровнымъ тѣнистымъ и высокимъ горнымъ коридоромъ и те-

ряется внизу у подножия горы Порожной, кажущейся отсюда совсѣмъ неприступной и пятнисто бурой, будто преградившей путь рѣкѣ. Повернувъ внизъ, т. е. влѣво, мы вскорѣ увидѣли и самую Убу, свѣтло-голубую кристально чистую, съ красиво выложенными изъ разноцвѣтныхъ и отшлифованныхъ галекъ, русломъ. Сравнительно неширокая, она идетъ здѣсь быстро, перескакивая черезъ точеные валуны и жмется къ крутыму, покрытому густымъ лѣсомъ, лѣвому берегу, по которому извилистой и каменистой тропой мы и побѣхали. Лошади, тяжело дыша, останавливались, оглядывались, но, понукаемыя прыгали по каменнымъ ступенямъ, извивались на кривыхъ спускахъ и то и дѣло изъ-подъ копытъ ихъ срывались внизъ камни. Но вотъ тропинка нырнула въ воду. Мы остановились и видѣли, какъ, внизу, на срединѣ, Уба зловѣще встряхивала бѣлыми гравами.

Ну голова у тѣ не закружится?—спрашиваетъ Дементій Федорычъ и не дожидаясь отвѣта, вѣзжаетъ въ голубыя волны.

Здѣсь Уба, передъ страшными воротами пороговъ, какъ бы задумалась и, разлившись широко по руслу, бѣжитъ не торопясь. Голова дѣйствительно кружилась, когда мы отѣхали отъ берега нѣсколько саженъ. Сначала было не выше колѣна, но вотъ чѣмъ дальше, тѣмъ глубже и казавшаяся съ берегу покойной, водная гладь быстро стремится здѣсь упругой толпой дружныхъ волнъ, спруживая лошадей и враждебно толкая ихъ внизъ, чтобы разбить тамъ о первые зубья порога. Лошади прыгнуть ушами, фыркаютъ и, осторожно выбирая мѣсто между крупныхъ галекъ, идутъ медленно, напирая всѣмъ крупомъ навстрѣчу водѣ. Но вода шумитъ и уже захлестываетъ на спину лошадей, заливается въ сапоги, а за лошадьми образуетъ пѣнистые, шумные гребни, которые игриво расчесываютъ черные хвосты лошадей.

Выѣхали.

На ровномъ берегу прилѣпились хлѣбные посѣвы, а выше, на крутомъ склонѣ—зaimка и тотчасъ же за нею грандіозныя горныя гряды. Вскорѣ мы вѣзжаемъ въ лѣсъ и под-

нявшись на крутой карнизъ горы, видимъ, какъ русло Убы, все болѣе суживаясь, повертываетъ вправо въ узкое, страшно крутое и высокое ущелье. Здѣсь же внизу показались и такъ называемые Зубья Порога, какъ разъ у начала Порожной сопки, которая обративъ свой каменный профиль на востокъ, даетъ мѣсто кривому каменному коридору Убы, который и отдѣляетъ ее отъ противоположной длинной пѣни горъ, продолженiemъ которой, повидимому, когда-то была и сама гора Порожная. Вотъ бѣлые гребни воды все чаще и чаще и Уба становится совсѣмъ узкой и темно-зеленої и, перепрыгивая черезъ огромныя, отточенныя скалы, реветь, какъ сто разсерженныхъ медвѣдей. И такъ въ продолженіи почти семи верстъ, т. к. верхній Убинскій порогъ опоясываетъ всю Порожную гору на разстояніи по крайней мѣрѣ четырехъ пятыхъ ея окружности. Вотъ Уба повертываетъ все правѣе, почти на востокъ, лавируя по своей каменной улицѣ, а безпрерывный корумъ изъ много аршинныхъ валуновъ сопровождаетъ ее съ обѣихъ сторонъ бѣлыми кривыми барьерами.

Останавливаемся.

Я сажусь на огромный, покрытый бурымъ мхомъ, камень, на которомъ въ видѣ тубаретки, лежитъ тоже обомненная каменная тумбочка, и смотрю внизъ, гдѣ по беспорядочно наваленнымъ бѣлымъ кригамъ (валунамъ) съ оглушительнымъ ревомъ и головокружительной быстротой несется Уба, замкнутая здѣсь въ русло не шире 10—12 саж. По зеленої темнотѣ ея теченія и по зыбкимъ волнамъ я заключаю о ея страшной глубинѣ. Падая съ камня на камень, тяжелая изломанная волны грозно потрясаются своими бѣлыми гривами и гудя, грузно качаются въ своей каменной перинѣ. А за Убой, которую я перебрасываю камнемъ, отвесной стѣной лѣзетъ къ самому небу пятнисто-сѣрий, нахмуренный утесъ горы Порожной, вершина которой увѣнчана совершенно острыми и почти безжизненными, воткнувшимися въ синеву неба, конусами, лишь слегка опущенными чахлымъ лѣсомъ.

Немножко ниже конусовъ по карнизу горы ползутъ обла-ка и кажутся пышными движущимися сугробами снѣга, а

сзади меня огромнымъ, многоверстнымъ и темно-зеленымъ амфитеатромъ лежить глубокая горная впадина, вся укутанная въ лѣса и вся изрѣзанная мелкими пѣвуче-кристальными и спѣшащими въ Убу ручьями.

Но вотъ Уба начинаетъ поворачивать влѣво. Сначала от-
лого, а затѣмъ все круче и круче, пока черезъ версту или
полторы не пошла назадъ. И какъ разъ здѣсь справа къ ней
прибѣжала Бѣлая Уба и широкой говорливо сверкающей пе-
леной влилась въ—главную Убу и бѣшенно закачалась вмѣ-
стѣ съ нею въ зыбкомъ пѣнисто-зеленомъ танцѣ. Главная
Уба, какъ бы желая увильнуть отъ Бѣлой Убы еще круче
взяла влѣво и пошла на югъ, а затѣмъ на юго-востокъ и
только, миновавъ гору Порожную, снова повернула на за-
падъ. Переѣхавъ въ бродъ Бѣлую Убу, мы должны были
здѣсь оставить своихъ лошадей и дальше отправиться пѣши-
комъ, т. к. горные стѣны совсѣмъ придвигнулись къ руслу
Убы. Шли мы по сплошному коруму, прыгая съ глыбы на
глыбу, каждую минуту подвергая себя опасности. Мѣстами
Уба бурлитъ у самыхъ ногъ между тѣхъ самыхъ глыбъ, на
которыхъ мы перепрыгиваемъ, и тогда мы, при помощи рукъ,
карабкаемся на обрывы, откуда бурлящая Уба зелеными волнами и бѣлыми гривами зоветъ насъ къ себѣ и кружить голову.

Наконецъ мы достигаемъ Каменныхъ Воротъ, гдѣ вся Уба сжалась въ борозду не шире семи сажень и то и дѣло скачетъ трехъ-аршинными отлогими водопадами и бушуетъ такъ оглушительно, что мы совершенно не слышимъ другъ друга. Еще черезъ 200 сажень приблизительно, мы добрались до такъ называемыхъ Гладкихъ Плитъ. Это огромная сплошная каменная катушка, ушедшая вглубь рѣки и вширь берега на десятки сажень, причемъ Уба зыбкими зелеными волнами высоко зализываетъ почти не высыхающія плиты. А, приблизительно, еще черезъ версту такого же неудобнаго пути мы доходимъ до такъ называемыхъ Каменныхъ Ступъ. Это въ различныхъ формахъ, выточенная въ каменныхъ плитахъ углубленія, въ видѣ сосудовъ, вазъ, блюдъ, ваннъ, котловъ и ча-

новъ. Причудливыя формы огромныхъ, достигающихъ 2—3 аршинъ глубиною и отъ аршина до двухъ въ поперечникеъ, каменные чаши эти заставляютъ удивляться той настойчивости воды, благодаря которой исполнена эта многотрудная токарная работа, тѣмъ болѣе, что она продолжается ежегодно сравнительно небольшой періодъ времени, т. е. весеннее половодье. Происходитъ это такъ: когда поднимается вода, сила теченія и движеніе воды достигаютъ такой страшной энергіи, что приходятъ въ движение всѣ большия и маленькия камни и если имъ, благодаря малѣйшему углубленію, быть выхода, то они безпрестанно танцуютъ и кружатся на одномъ мѣстѣ и чѣмъ больше ихъ накопляется, тѣмъ успѣшнѣе идетъ работа вглубь и вширь, а въ резултатѣ съ теченіемъ многихъ вѣковъ получились и вотъ эти каменные ступы. Ниже, саженяхъ въ ста мы встрѣтили еще такъ называемую Каменную Повѣть. Это рядъ гранитныхъ наслоеній съ постепенно отвалившимися отверстіями въ видѣ пещеръ. По крайней мѣрѣ повѣть, въ тѣни которой укрылись мы, была не менѣе шести саженъ въ квадратѣ. Верхній слой плитъ, опершись на восемь слоевъ такихъ же плитъ, повисъ надъ указаннымъ пространствомъ на высотѣ почти двухъ аршинъ и даетъ возможность любоваться отсюда на глубокое русло Убы, въ которую впрочемъ при малѣйшей неосторожности можно легко отсюда полетѣть.

Здѣсь коридоръ Убинскаго русла почти прямой и версты черезъ двѣ Уба принимаетъ все болѣе спокойное теченіе и, расширяясь, даетъ возможность отправлять по ней плоты и лодки. Черезъ этотъ же порогъ лѣсь сплавляютъ несплоченнымъ, отправляя его большими партиями и собирая лишь внизу на лодкахъ. Иногда въ порогѣ лѣсь застрявлъ одной лѣсиной въ валунахъ, нагромождается по нѣсколько сотъ въ одну кучу и, спрудивъ воду, ломается или выбрасывается силою воды, или нагромождается въ еще большемъ количествѣ. И тогда самые смѣлые изъ плавщиковъ, раздѣваясь, бросаются по зыбкимъ и стремительнымъ волнамъ вплывь къ этимъ груدامъ и каждую минуту рискуя жизнью, разворачиваются

лѣсъ, но на берегахъ въ это время съ длинными жердями стоять другіе, протянувъ концы жердей на средину рѣки. Это на тотъ случай, если, кого либо изъ находящихся на лѣсу, помчить внизъ. Такіе смѣльчаки всегда получаютъ двойную плату и почти всегда изъ своихъ предпріятій выходятъ благополучно. Хотя быть убитымъ въ Убинскомъ порогѣ не считается особенной рѣдкостью, т. к. сплошные водопады, не ожидая пока человѣкъ поплынетъ, ударяютъ его о подводную глыбу и выбрасываютъ уже изуродованнымъ и мертвымъ. Такіе случаи стали чаще наблюдаться съ тѣхъ поръ, какъ Убинскіе пороги частью взорвали динамитомъ, т. к. прежнія гладкія глыбы были менѣе опасны, чѣмъ взорванныя съ острыми углами.

Поздно вечеромъ вернулись мы на заимку Дементія Федоровича и долго въ ушахъ нашихъ стоялъ шумъ: это гремѣла Уба, проложившая путь черезъ свои гранитныя препятствія, чтобы миновавъ ихъ, выбраться на свободу туда въ лонѣ Иртыша, затѣмъ Оби, а затѣмъ уже устремиться и въ океанскіе просторы!...

VIII.

Старообрядческая женская обитель.

Съ тѣмъ же Дементѣемъ Федорычемъ отправились мы дальше вверхъ по Убѣ. И чѣмъ дальше вверхъ тѣмъ очаровательнѣе горная убинская природа, такъ что трудно устоять отъ нѣкоторыхъ лирическихъ отступленій.

Поднявшись на любую изъ горныхъ высотъ вы невольно притихаете очарованные окружающіей природой. Куда вы не взглянете, всюду, точно застывшія гигантскіе волны, стоятъ бирюзовыя горы и сизыя, точно рытымъ бархатомъ окутанныя дали. Гдѣ то далеко на изломанномъ горизонтѣ поднимаются дымчатые хребты,увѣнчанные бѣлоснѣжными коронаами вѣчныхъ снѣговъ и когда небо облачно, вы не сразу смо-

жете отличить, гдѣ горы и гдѣ облака. И только когда по вершинѣ горы поплынетъ бѣлый силуэтъ пышнаго облака, вы можете судить о страшныхъ высотахъ этихъ царственныхъ горъ. Взгляните внизъ—тамъ въ извилистыхъ и тѣнистыхъ долинахъ бѣшенно прыгаютъ по отшлифованнымъ глыбамъ голубая говорливая рѣчки... Бѣгутъ и встряхиваютъ бѣлыми гривами и несмолкаемо рассказываютъ свои старыя легенды и дивныя сказки...

Посмотрите себѣ подъ ноги—подъ ними разостланъ роскошный коверъ изъ цветовъ, сотканный самимъ Богомъ и обрызганный чистыми душистыми росами Алтайскихъ ночей...

И вотъ среди такой-то природы въ малодоступныхъ ущельяхъ, въ 160--или 170 верстахъ выше Лосихи, за какіе либо 5—6 лѣтъ послѣ указа о вѣротерпимости выросла женская старообрядческая обитель, въ которой теперь живутъ уже сорокъ сестеръ. Окрестные старовѣры зовутъ ихъ матушками лѣвицами и нѣжно оберегаютъ ихъ колонію.

Обитель старообрядокъ находится въ горахъ на лѣвомъ берегу р. Убы, въ глухихъ, бездорожныхъ лѣсахъ, въ долинѣ рч. Банной. Прежде чѣмъ попасть въ нее, мы долгоѣхали по лѣснымъ тропинкамъ вверхъ по рѣкѣ Убѣ и наконецъ у сѣверо-восточного подола горы Средняго Теремка, на фонѣ красиваго зеленаго лѣса и на берегу шумной рѣчки Банной вырисовался голубой куполь новой деревянной церкви, а затѣмъ и вся церковь съ цѣлымъ рядомъ крышъ и постройекъ Покровскаго старообрядческаго монастыря.

Долина р. Банной широкимъ и отлогимъ разваломъ падаетъ на сѣверо-востокъ въ долину Убы. Кромѣ группъ березъ, тополя и мелкаго кустарника кое-гдѣ возвышаются пирамиды пихтъ, а выше по склонамъ Средняго Лѣваго Теремка идетъ хвойный лѣсъ до стѣнъ утеса, которымъ заканчивается вершина Теремка. Противъ впаденія Банной за Убой возвышается третій, покрытый лѣсомъ, конусъ горы, а влѣво за нимъ, на сѣверъ, виднѣются безлѣсныя и безжизненные высоты Коргонскихъ бѣлковъ съ небольшими снѣжными полями.

Когда мы приближались къ монастырю, то въ лѣсу направо послышались женскіе голоса, а влево къ рѣчкѣ, понуривъ голову и согнувъ спину съ ведрами на коромыслѣ шла инокиня въ простомъ синемъ сарафанѣ изъ грубаго холста, въ бѣломъ холщевомъ передникѣ и темномъ платкѣ, повязанномъ по русски, концы подъ подбородкомъ, при чёмъ изъ этого же платка сдѣланъ былъ навѣсъ въ видѣ глубокаго cozырька, закрывающаго всю верхнюю часть лица, отчего ни глазъ, ни чертъ лица видно не было. Вотъ показалась часть изгороди, возлѣ которой работали пять инокинь въ грубыхъ пестрыхъ одѣждахъ: холщевые сарафаны, «бутылы» на ногахъ, холщевые передники, бѣлые рукава и темные перелины на плечахъ, въ видѣ длиннаго воротника до локтей, съ красной оторочкой по краю. Платки также скрывали большую часть лицъ...

Я подѣхалъ къ одной, что постарше и спросилъ: можно ли вѣхать въ монастырь и какъ это сдѣлать?

— Можно, можно, поѣзжайте, тамъ примутъ васъ!—отвѣтила старушка, отрываясь отъ работы, которая заключалась въ томъ, что она держа въ лѣвой рукѣ осиновый колъ, а въ правой тяжелый топоръ, тесала его на высокомъ пнѣ... При чёмъ, показывая дорогу на мостикъ, она ловко взяла топоръ въ руку, сдѣлавъ изъ топорища указку.

Мы тронулись къ строеніямъ, которыя начались еще на этой сторонѣ рѣчки двумя жилими—одна пятистѣнная, другая однокомнатная—избами, съ дворами, салями и амбарами. Дальше удобный мостикъ, жердяная изгородь и легкіе ворота, возлѣ которыхъ мы и стали въ ожиданіи. Ждать пришлось недолго, такъ какъ изъ главнаго корпуса въ ту же минуту показалась въ темномъ холщевомъ платѣ съ перелиной, въ темномъ платкѣ и въ бѣломъ передникѣ еще нестарая монахиня и, ласково улыбаясь, низко поклонилась и сказала:— Милости просимъ, дорогіе гостеньки!

Я счелъ долгомъ объяснить о цѣли своего прїезда. Тогда оказалась нужда доложить игуменѣ, которой не оказалось дома, она была на работе. Доложили старшей по ней, т. е.

ея помоилицъ матери Иринѣ, а пока нась пригласили въ новую большую избу съ длинными столами и скамьями, съ русской печью и небѣлеными стѣнами. Это оказалась трапезная (столовая). Вскорѣ вошла въ длинномъ тонкомъ, нанбуковомъ халатѣ высокая инокиня, въ черномъ платкѣ, но безъ пелерины, съ постнымъ блѣднымъ лицомъ, синими губами и острыми голубыми глазами, окружеными лучами многолѣтней скорби. Смотрѣла она слегка исподлобья и говорила немнога грубоватымъ голосомъ. Объяснивъ ей цѣль моего пріѣзда, я попросилъ позволенія пожить въ монастырѣ днѧ двадцати. Она, задавъ еще нѣсколько вопросовъ, не отъ казны ли я и зачѣмъ нужно ознакомленіе съ бытомъ старообрядцевъ, приказала встрѣтившей насть матушкѣ Аполлинаріи (она завѣдуетъ экономіей и приемомъ гостей), чтобы та отвела насть въ гостинную избу, но прежде накормила бы... Та быстро стала хлопотать у стола, но я пока отказался, ибо, проѣхавъ долгое время по неудобной грязной дорогѣ, хотѣлъ выкупаться и переодѣться. Тогда насть съ моимъ проводникомъ отвели за рѣчку въ первую пятистѣнную избу, въ которой мать Аполлинарія, охотно бесѣдуя со мною, стала готовить мнѣ постель на самодѣльной кровати, покрывать чистыми цвѣтными самоткаными скатертями столики, приготовила въ прихожей комнатѣ постель и моему проводнику, показала мнѣ мѣсто, где можно выкупаться, повѣсила чистое, тончайшаго холста полотенце съ вышивными наконечниками, застлала красную подушку бѣлой, чистой холстинкой, положила свѣжее стеганное одѣяло и просила приходить поужинать, когда я устрояюсь. Пока я не торопясь купался да переодѣвался, на церкви зазвонили въ небольшой колоколъ къ вечерней молитвѣ. Отъ обѣда пришлось отказаться ибо надо было идти въ церковь, испросивъ на это позволеніе. Разрѣшеніе дали охотно, но попросили не молиться вмѣстѣ съ ними.

Монахини скоро потекли изъ своихъ келій въ часовню, тихой согбенной походкой въ перевалку, шваркая тяжелыми сапогами, бутылами или просто пимными туфлями въ видѣ калошъ. Прошла, накрытая схимой старая сморщенная, съ сѣ-

дыми волосами на подбородкѣ, старушка, мать извѣстнаго на Убѣ и даже въ Питерѣ старовѣра Федора Афанасьевича Гусева, который ко дню коронованія Государя Императора Николая II-го полнесъ Его Величеству въ даръ бадейку убинскаго меда. Въ Питерѣ онъ ъездилъ довольно часто то по религіознымъ, то по своимъ тяжѣбнымъ дѣламъ. Онъ же былъ однимъ изъ терпѣливыхъ и настойчивыхъ ходатаевъ о разрешеніи вѣротерпимости, данной указомъ 17 апреля 1905 года. Тутъ же суетилась въ свѣтлыхъ рукавахъ и темномъ сарафанчикѣ, подпоясанномъ ремнемъ, шестилѣтняя дѣвочка съ бѣлокурыми волосами, забранными въ косичку. Это дочь Устькаменогорскаго прасола и старовѣра Ив. Никиф. Федорова. Дѣвочка эта отдана родителями уже два года тому назадъ, когда ей было 4 года и привыкла къ монастырю такъ, что не хочетъ ъхать домой и угрозу отвезти ее домой дѣлаютъ лишь когда она что либо «нагрезитъ».

Вотъ вышла изъ своей келейки молодая, но еще не постриженная сестра съ красивымъ лицомъ и быстрыми темными глазами, съ лѣстовкой на рукѣ, въ черной новой нанбуковой ризѣ, прямыми складками падающей къ ногамъ. Темная шаль накрыта на голову такъ, что сложенные углы ея лежатъ не косякомъ на спинѣ, а прямо, вися по бокамъ, а надъ глазами глубокій козырекъ изъ той же шали, которая подъ подбородкомъ сцѣплена булавкой. Это монастырскій чтецъ.

Войдя въ часовню, я чувствовалъ себя какъ-то неловко и, сталь у окна справа. На скамейкѣ сидѣла мать Ирина и, подойдя ко мнѣ сказала:

— Если устанете — садитесь на скамью!

Въ церкви прежде всего бросается въ глаза богатство иконостаса и удивительная опрятность. Весь полъ застланъ свѣтыми, чистыми самоткаными половиками, стѣны окрашены розовой краской, прямой потолокъ голубою и всѣ пять ярусовъ иконъ въ гладкомъ багетѣ. По бокамъ сдѣланы въ видѣ клиросовъ отдѣльная иконостасная стѣнки и возлѣ нихъ стоятъ металлическія хоругви. Передъ иконостасомъ возвыше-

ніе и престолъ, возлѣ котораго дорогое Распятіе, обвитое голубой пеленою, по бокамъ его иконы, а на столѣ стоитъ рукописное евангелие, оправленное въ бархатный съ серебряною чеканкою переплетъ, а по обѣ стороны горятъ неугасаемыя лампады. Передъ иконостасомъ виситъ красивая большая люстра.

По боковымъ стѣнамъ иконъ нѣть и только вдѣланы большія окна по четыре на каждой сторонѣ съ крашенными бѣлизнами рамами, но безъ желѣзныхъ рѣшетокъ, какъ это дѣлается во всѣхъ церквяхъ и безъ болтовъ, но со ставнями снаружи, на случай града или дождя. На окнахъ устроены легкія бѣлыя занавѣски. Сбоку круглая печь, сзади другая, слѣва псалтырня: это отгородка для старушекъ инокинь, которые «наряжаются» на определенные часы читать по покойнымъ псалмы. Здѣсь цѣлыя груды книгъ, нѣсколько иконъ и старухи читаютъ все время, т. к. заказовъ всегда очень много и надо успѣть. У этихъ старыхъ сестеръ другой работы и не бываетъ, не поручается имъ, т. к. у нихъ каждодневно, помимо заказовъ, еще своя работа: надо сдѣлать всякой накрытой инокинѣ 1500 поклоновъ, которые отсчитываются по лѣстовкѣ. Изъ нихъ не меныше 300 земныхъ и 700 поясныхъ. Остальные могутъ быть легкіе.

Скамей въ церкви всего восемь, изъ которыхъ четыре стоять вдоль стѣнъ и четыре поперекъ храма въ разныхъ мѣстахъ. Подручники болѣе чистые, есть холщевые, ситцевые и даже бархатные съ гужиками для взятія рукою. Еще есть низенькия скамеечки съ четырьмя ножками, двѣ изъ которыхъ короче, а двѣ подлиннѣе и потому самый верхъ покатый. Ее ставятъ передъ собою, кладутъ подушечку (подручникъ) и земные поклоны дѣлаются не становясь на колѣни, а прямо, стоя, опираются руками на подручникъ и кладутъ голову на руки. Это ускоряетъ поклоны, сокращаетъ время на нихъ и избавляетъ отъ паденя на колѣни, что при сотняхъ поклоновъ можетъ изнурить окончательно.

Часы читаются громко, а одна изъ старшихъ по чину сестеръ дѣлаетъ возгласы робкимъ тихимъ голосомъ, причемъ

когда она крестится и кланяется, тогда кланяются и все, почему на моменты вторгается волна общего шума и быстрое колебание сплошной черной массы производить жуткое впечатление. Отъ ихъ богослужебныхъ пѣснопѣній вѣеть чѣмъ-то средне-вѣковымъ и замогильнымъ. Кажется, поютъ гдѣ-то замурованные подъ землею, замученные гоненіемъ христіане... Всѣ поютъ въ одинъ тонъ, нѣкоторыя; обязательно въ ность, отчего скорбность и монотонность пѣнія становится еще болѣе печальной, некрасивой и ноющей. Будто кто-то плачетъ и стонетъ на колесованіи или въ темницѣ... Всюду въ церкви черныя замерція въ неподвижной молитвѣ фигуры, блестящія иконы, частью въ ризахъ, расшитыя стеклярусомъ, а частью осыпанныя цветными каменьями. А изъ оконъ видны очаровательные пейзажи горныхъ кручъ, зеленыхъ подоловъ, лѣсовъ и небо со свѣтлыми облаками. Кудрявые березы съ блестящими стволами, разбѣжавшимися по зеленому, немного покатому лугу. Вблизи хорошо воздѣланые огороды, изгородь и совершенно типичныя сибирскія крыши на два ската съ штыми лбами. Слушая древніе замогильные напѣвы, не хочешь вѣрить, что гдѣ то уже летаютъ на аэропланахъ, что гдѣ-то сидятъ въ своихъ обсерваторіяхъ астрономы, вычисляя пути небесныхъ свѣтиль и грустно и одиноко чувствуешь себя среди молящихся. А онѣ поютъ скорбно и ноюще:

«Въ землю пріяти, яже еси отъ земли взять быть».... Но приходятъ на память сплошная драма изъ жизни русской женщины и кажется, что ей лучше здѣсь вдали отъ счастья жизни и отъ его изнурительныхъ усладъ, за которыхъ нужно такъ дорого расплачиваться.

И опять взглядъ тянется къ высотѣ горъ, гдѣ кажется рукой достанешь небо и снова подсказываетъ мысль, что тамъ летаютъ люди по небу, а здѣсь ползаютъ во тьмѣ.... Неужели долго еще, неужели долго?

А въ отвѣтъ несется унылое и тягучее:

—И во вѣки вѣкомъ, аминь!

Вечерня отошла. Мать Аполлинария напоминаетъ, что мы еще голодны, и мы идемъ за нею.

Теперь она ввела насъ въ особую келью—избу, гдѣ на столѣ, покрытомъ самотканной цвѣтной скатертью, были положены вилки, ножи и ложки и поставлены чашки, покрытые маленькими самоткаными салфетками. Насъ она усадила за отдѣльныя чашки, т. к. всѣ мы разныхъ вѣръ: я православный, проводникъ мой бѣглопоповецъ, а монастырь поморскій. Довольно вкусныхъ постныхъ перемѣнъ было около пяти, пока, наконецъ, подачею малиноваго варенья и затѣмъ чистаго меда въ отдѣльныхъ блюдцахъ не былъ законченъ нашъ обѣдъ. Но мать Аполлинарія искренно извиняется, что мало перемѣнъ, т. к. не ждали такихъ дорогихъ гостенъковъ.

Всего сестеръ въ монастырѣ сорокъ, изъ нихъ накрытыхъ схимою 24, а 16 не накрытыхъ: изъ нихъ есть давшія клятву всю жизнь «поработать на Христа», часть послушницъ (бѣлицы) и часть гостей, не опредѣлившихъ своего положенія и могущихъ оставить монастырь, выйти замужъ и проч.

Обитель основана въ 1899 году лѣтомъ пріѣхавшими сюда россійскими поморками, въ числѣ 8 сестеръ, отдѣлившихся отъ поморской обшины въ Уфимской губ. на Уралѣ, вблизи ст. Вязовой. Уѣхали оттуда потому, что тамъ тѣснили ихъ. Здѣсь они купили землю и стали жить, а въ отдѣльной избѣ сдѣлали моленную, и трудились. Года черезъ 3—4 выстроили болѣе просторную избу съ маленькой кельей для игумены и лишь въ 1908 году построили новую просторную часовню съ колокольней въ 6 колоколовъ и маленькимъ куполомъ. Въ этой часовнѣ имѣется и келья для игуемени-матери Ираиды и, для исполняющихъ церковную службу, иночінь. Эти кельи находятся на второмъ этажѣ подъ колокольней, по одной съ каждого бока. Въ нихъ по два окна: одно на улицу, откуда виденъ прекрасный пейзажъ и одно въ часовню прямо на иконостасъ.

Остальныя монахини распределены по отдѣльнымъ кельямъ —просторнымъ и тѣснымъ избамъ. Нѣкоторыя живутъ за перегородками въ уединенныи, а нѣкоторыя по три сестры въ одной комнатѣ. Всего комнатъ около 20-ти, при чемъ нѣсколько помѣщений пустуютъ, напримѣръ: келья старца Анто-

нія, гдѣ все содергится въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ оставилъ передъ смертью. Этотъ старецъ жилъ въ монастырѣ 4 года и умеръ 80-ти лѣтнимъ.

При монастырѣ есть больница, гдѣ находятся теперь 4 больныхъ изъ нихъ двѣ недвижимыхъ, хотя обѣ въ сознаніи.... Когда я вошелъ, то показывая на одну изъ нихъ еще молодую, лѣтъ 27—30 монахиню, отекшую и смотрящую уныло и скорбно, мать Аполлинарія сказала громко и соболѣзнувшіе:

—Вотъ эта скоро должна представиться... И могилка уже выкопана и домовинка сложена ей...

Монахиня перевела на мать Аполлинарію глаза и тяжко простонала ..

Но я сказалъ:

— Можетъ быть, она еще поправится!—тогда больная перевела на меня свои черные унылые глаза и снова еще больнѣе простонала.

—Нѣтъ, ужъ не встать ей!—скрѣпила равнодушно мать Аполлинарія, и мнѣ подумалось, что мать Аполлинарія не признаетъ своей ошибки, говоря такія тяжелыя слова при больной. Она не понимала, видимо, этого состоянія: знать, что и могилка выкопана и домовинка сложена.

Сходивъ въ мастерскую, гдѣ шьютъ одежду, въ стряпчую, т. е. «келарню», гдѣ готовятъ кушанье и еще кѣ кое-какимъ старушкамъ, мы направились въ гору, гдѣ за 11 лѣтъ существованія скита на горкѣ успѣло выrostі 15 черныхъ крестовъ, изъ нихъ 5 въ одинъ день 27 мая 1909 г. Это одновременно утопія въ р. Уѣѣ пять молодыхъ монашечкъ, изъ нихъ четыре послушницы и пятая накрытая 22-лѣтняя Дорогеюшка, дочь того самаго Ивана Федотовича Егорова, который посыпалъ сына разыскивать истинную вѣру и крестился въ Алѣѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ сами монахини нарисовали мнѣ картину этой печальной катастрофы:

25 мая прошлого года младшая послушницы отъ 14 лѣтъ и до 22 л. во главѣ съ постриженной уже молодой лѣвушкой Дорофеей, выросшей на Убѣ и умѣющей хорошоправляться съ ея капризами, отправились за рѣку порвать ревню. При этомъ имъ было поручено искупать больную лошадь. Перевозить на лодкѣ ихъ сталъ мѣстный житель стариkъ Самойловичъ, который посадивъ въ лодку лѣвушекъ, взялъ въ поводъ и лошадь, а править лодкой заставилъ Дорофею. Понятно, лошадь тормозила, мѣшала правильному ходу лодки, а Уба между тѣмъ катила ее внизъ. Вотъ Дорофея, изнемогшая грести, не попала на опредѣленное мѣсто, а лошадь кинулась головой на носъ лодки и повернула назадъ. Тутъ случился подводный камень и лодка перевернулась. Мѣсто оказалось неглубокое, всѣмъ по плечи, но страшно быстрое и всѣхъ понесло внизъ. Дорофея кинулась спасать младшихъ, но какъ какую поймаеть, такъ та за нее уцѣпится и не отпускаетъ. Поймала четырехъ, а пятую унесло. Эти такъ измучили Дорофею, что она пошла ко дну. Тогда эти опустились и быстро ихъ разнесло въ разныя стороны. Вотъ скоро три изъ нихъ скрылись изъ виду, а одна кое-какъ карабкалась. Дорофея, выплыvъ на поверхность и увидѣвъ эту карабкующуюся, схватила и помогла ей выплыть на берегъ, но измученная сама, не могла уже справиться съ волнами, т. к. длинная намокшая риза защѣпилась за камень.. Но вотъ островокъ, она оказалась на мели и еще не успѣла прійти въ себя и отдохнуть, какъ увидѣла за протокой спасшагося старика (онъ спокойно наблюдалъ съ берега и потомъ рассказалъ объ этомъ), который махалъ ей, чтобы она плыла напрямикъ къ нему. Она поддавшись его велѣнію, поплыла вновь, но ее сильно ударило объ огромный камень и захлестнувъ волною, укатило внизъ. Говорятъ, что Уба въ это время была еще маловодной.

Жизнь сестеръ протекаетъ чрезвычайно мирно, уютно и сыто, хотя всѣ онѣ и трудятся усердно. У каждой монахини есть свой уголокъ своя кроватка, столикъ и всѣ принадлежности домашняго обихода. Всѣ жилища выдержаны въ древ-

не-русскомъ стилѣ и всюду чистота и простота. Всѣ лавки, скамьи, окна, полотенца, перелѣе углы, бѣлые полы, и небѣленная, но начисто мытая стѣны говорять вамъ о близости обители къ временамъ древней Москвы или Пскова.

Всѣ обязанности распределены между монахинями по ихъ способностямъ и чину, причемъ старшія не должны только указывать, но и сами больше всѣхъ обязаны трудиться; т. н. мать Ирина, завѣдую келарней, работаетъ сама въ первую голову. Или мать Аполлинарія, завѣдую пріемомъ гостей и экономіей, сама всюду бѣгаєтъ, все устраиваетъ, подноситъ, объясняетъ. Сама же игуменья Мать Ираида завѣдуетъ самыми трудными черными работами, какъ то: постройкой, землекопкой, возкой и рубкой лѣса и проч., и та пожилая монахиня, такъ ловко и умѣло тесавшая колъ, когда я подѣхалъ къ изгороди монастыря и была самой игуменьей. Въ тотъ же день возвращалась она позже всѣхъ съ работы и все ожидали ее съ тревожной заботливостью и любовью. Я встрѣтилъ ее, поклонился и замѣтилъ, что она трудится въ ущербъ своему здоровью.

— А какъ же? Вѣдь на все надо копейки, да и нанять некого... Если же наймешь-незнаешь, что за люди, какъ бы грѣха какого не случилось...

Теперь мнѣ лучше было видно ея лицо. Она производила впечатлѣніе свѣжей, хотя и пожилой женщины, лѣтъ 50. Ея свѣтло-стѣрые глаза смотрѣли быстро и ясно, въ голосѣ и сло-вахъ не слышно было искусственности или ханжества и, разговаривая со мною, она держала себя просто, а въ манерѣ чувствовалась энергія, сила и искренняя правдивость. Небольшая ростомъ, немного коренастая и согнутая она удалялась быстрой колеблющейся походкой и не вѣрилось, что ей идетъ уже седьмой десятокъ, какъ это оказалось въ дѣйствительности. Она никогда не жила свѣтской полной жизнью и въ монастырѣ уже больше 45 лѣтъ, поступивъ въ него 17 лѣтней дѣвушкой.

На завтра она сказала мнѣ между прочимъ:

— Ну что, навѣрное скучаете? Интереснаго у насъ ничего нѣтъ. Люди мы простые, необразованные. Обойтись по хорошему не умѣемъ... Ужъ извините!..

Эта женщина вставъ утромъ въ 2 часа, трудится до 11 часовъ ночи, спить слѣдовательно 2—3 часа, а все остальное время она находится въ работѣ. Вставъ въ 2 часа, къ тремъ она выходитъ въ часовню, гдѣ начинается утреня, кончаящаяся въ пять, затѣмъ послѣ короткой бесѣды тутъ же, начинаются часы и кончаются въ семь. Послѣ этого всѣ идутъ по кельямъ а тамъ переодѣвшись въ рабочія одежды, въ трапезную, гдѣ позавтракавъ, отправляются на работу, въ 1 часъ обѣдъ, а въ пять—вечерня, а послѣ нея, часовъ въ 8, когда всѣ придутъ съ работы, ужинъ и всѣ расходятся по кельямъ, работая на себя или молясь. У старыхъ монахинь работа одна—отправлять заказы на счетъ моленья за здравіе питающихъ и за упокой умершихъ.

О неусыпномъ труде самой игумены говорятъ то, что всѣ 40 кроватей, столько же стульевъ, столовъ, всѣ лавки, тесовые перегородки, разныя полочки—все это сдѣлано ея руками безъ единаго улара топоромъ кого-либо другого. При чёмъ у каждой кровати, стола или стула сдѣлано по удобному и просторному ящику внутри. Келья игумены самая тѣсная и самая скромная, съ иконами въ дорогихъ, шитыхъ изъ цветныхъ каменьевъ, ризахъ. Здѣсь же фотографія ея бывшихъ духовныхъ отцевъ съ типичными бородатыми лицами, выраженія которыхъ или суровы и сухи, или слашаво—кrotки и посты.

Ниакого деспотизма со стороны игумены не замѣтно, нѣкоторый же, плохо скрытый подъ маскою кротости и молитвы, антогонизмъ между младшими монахинями чувствуется, причемъ нѣкоторыя, еще не постриженныя монашки, на работахъ безъ старшихъ, ведутъ себя непринужденно, иногда весело смеются и даже шутятъ, что дѣлаетъ ихъ унылую жизнь разнообразнѣе и живѣе. Нѣкоторыя изъ монахинь ушли изъ православія, напр., есть дѣвушка изъ Риддерскаго рудника. Когда пріѣхалъ навѣстить ее дядя, то она съ интересомъ вы-

спрашивала о новостяхъ и о своихъ подругахъ, и когда ей говорилъ дядя, что многія изъ ея подругъ вышли замужъ, у ней загорѣлись глаза и, полнымъ смѣха и скрытыхъ слезъ голосомъ, она выражала удивленіе, и вопросъ, и плохо скрытую зависть, но увидѣвъ старшую сестру и вспомнивъ, очевидно, что уже отрѣшилась отъ міра, она вдругъ стихла и стыдливо опустила глаза. Она прожила уже 4 года, будучи взята сюда 14 лѣть, теперь ей 18, а черезъ 2—3 года жизнь ея только потребуетъ себѣ полноты счастья, но это уже не для нея, ея жизнь, полная труда, тоски и насилия надъ собою, потянется долгой, тяжелой тропою къ старости и затѣмъ къ той горкѣ, скрытой густымъ лѣсомъ, гдѣ подъ тяжелыми крестами уже спятъ вѣчнымъ сномъ пятнадцать. Но было ли бы лучше, если бы она тоже вышла замужъ?.. Но сказалъ ли бы ей кто либо:

Отъ работы тяжелой и трудной
Отцвѣтешь, не успѣя расцвѣсть,
Погрузишься ты въ сонъ непробудный,—
Будешь нянѣтъ, работать и ёсть....

Вѣдь доля нашей женщины—такъ тяжка и безотрадна...
Не даромъ же всѣ эти сорокъ пришли сюда въ эту тихую пристань.

Я прожилъ до первого воскреснаго дня, т. к. было чрезвычайно интересно наблюдать торжественный отдыхъ монахинь.

Было дивное яркое утро. Такое утро, какое можетъ быть только въ горномъ Алтаѣ, когда умытыя росою и одѣтыя въ зеленую парчу горы, до половины освѣшены золотомъ лучей, а въ низахъ покрыты голубыми покровами тѣней и изъ глубокихъ моршинъ и рѣчекъ тихо всползаютъ на высоту горъ серебристые туманы, чтобы оттуда плавно и смѣло полетѣть въ просторъ небесный... .

Странно и красиво разлилось по горамъ эхо большого колокольного баритона, затѣмъ голость мѣди запѣль безпрер-

рывнымъ призывомъ. Всѣ сестры, одѣтые въ черныя длинныя, праздничныя ризы съ металлическими застежками спереди до самаго подола, потянулись въ церковь. Служба была торжественная. Возглашала сама игуменья и ея тихій робкій голосъ какъ-то убаюкивалъ, уносиль въ область вѣчнаго покоя. Пѣли, читали, молились вмѣстѣ, кланялись въ землю и были всѣ, какъ черныя тѣни, какъ заведенные манекены.

Когда кончилась служба,—зазвонили во всѣ колокола какъ-то печально, съ переборомъ и монахини, выстроившись въ ряды, по-парно, съ пѣніемъ молитвъ, медленно пошли изъ церкви изогнутой черной линіей. Въ это время мною овладѣло странное состояніе. Во время часовъ я смотрѣлъ, какъ молодая дѣвушка—чтепъ съ сочнымъ голосомъ юноши, усердно кланялась въ землю, какъ-то путалась въ своихъ неуклюзыхъ ризахъ. А когда подъ звуки колоколовъ съ печальнымъ ноющіемъ пѣніемъ они тихо побрели изъ церкви по ярко зеленой травѣ въ трапезную, какъ черныя тѣни, брошенныя ярко радостнымъ утреннимъ свѣтомъ, то меня что-то болѣво ушипнуло за сердце. Я взглянулъ на мимо проходившую дѣвушку и глаза ея, казалось мнѣ, полные остановившихся слезъ, пристально и скорбно взглянули на меня и тотчасъ же скрылись подъ длинными рѣсницами. Она прошла, унося съ собою въ душѣ что-то тяжкое и умолкшее на вѣкъ и, задущенная темнымъ холodomъ пустоты одиночества, шла покорно рядомъ со старухами по одной длинной и мрачной тропѣ къ могилѣ. Это было ясно и безспорно. А звонъ все плачетъ переливно, точно отпѣваеть всѣхъ ихъ. И онѣ поютъ ноюще, точно сами себя отпѣваютъ. А вокругъ дивные живые пейзажи и безпределльный океанъ солнечнаго свѣта...

А еще чрезъ часъ, простившись съ игуменьей и съ сестрами, я сталъ собираться въ дальнѣйшій путь. Провожать меня вышли всѣ и пока я собралъ мои вещи, моя лошадь была осѣдлана одной изъ сестеръ—конюхомъ. Простились, какъ родные... Я былъ уже далеко за изгородью и огляды-

ваясь видѣлъ, какъ мать Аполлинарія и мать Моクリна черными пятнами стояли по поясъ въ травѣ и низко кланялись мнѣ въ слѣдъ...

IX.

Вожди старообрядчества.

Тотъ самый Иванъ Федотычъ Егоровъ, который послалъ въ 80 годахъ своего сына въ поиски за истинной вѣрой и крестился въ р. Алеѣ передъ тысячной толпою, и который имѣетъ знаменитыхъ на всемъ юго-западномъ Алтаѣ сыновъ Василія Ивановича—старообрядческаго попечителя и начетчика и Вонифатія Ивановича—главнаго старообрядческаго священника на Убѣ,—живетъ неподалеку отъ старообрядческаго женскаго монастыря.

Изъ монастыря я ходилъ на заемку И. Ф. пѣшкомъ. Дивные картины окружали мой путь!...

Идешь по тропинкѣ внизъ, окруженный яркой зеленью травъ и деревьевъ и замкнутый крутыми склонами, далекими, сизоватыми высотами и не знаешь, такъ ли хорошо въ раю?.. Я перебираю въ памяти всѣ лучшія переживанья своей жизни, вспоминаю хорошія оперы, спектакли, музеи, музыкальныя симфоніи и ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, что я чувствую теперь. Вездѣ тамъ, вдали отъ первобытныхъ красотъ, я чувствую напряженье, какую-то болѣзеннную искусственность своихъ переживаній, чувствую, что вотъ кончится симфонія и жизнь снова ввергнетъ меня въ житейскія будни и разочарованіе сцѣпить своими когтями... Но здѣсь такое спокойное созерцаніе и такая тишина въ душѣ, такая сладость въ сердцѣ, что ничего не хочешь больше и, смотря во всѣ стороны, поешь безмолвные гимны солнцу....

Вотъ рѣчка, скачащая по камнямъ и образовавшая внизу круглое, небольшое, прозрачное плесо, въ которомъ разгуливаютъ крошечныя рыбки. Вотъ могучая береза съ изуродованнымъ стволомъ и огромной тяжелой ризой, отъ которой

падаетъ на зеленую траву синеватая, густая тѣнь. Сажусь на камень, и изъ-подъ него выползаетъ небольшая змѣя.... Выползая спѣшить на утекъ, и пусть... Она тоже боится смерти. Вздрагиваю, встаю и иду тихо, спускаюсь внизъ. Показалась изгородь, а за нею пышный, мягкий и ярко зеленый лугъ, по которому разбѣжались небольшія осинки и будто замерли въ ожиданіи, пока я пройду мимо по извилистой тропинкѣ. Лавирую межъ высокой травы и цвѣтовъ, гдѣ хороводы голубыхъ бабочекъ то и дѣло кружатся, отыскивая лучшій ароматъ. Вотъ вхожу въ аллею густыхъ, высокихъ, разной величины пихтъ, березъ, осинъ и кустарниковъ. Прохладно и пахнетъ медомъ... Дорогу перегораживаетъ много лѣтъ гніющая лѣсина, упавшая еще во время большого пожара. Пни высушили сѣдые головы изъ травы... Муравьиная кучи, хворостъ, свѣтлый маленький ключикъ чуть лепеча, струится по чисто вымытымъ галечкамъ. Иду, и не тороплюсь. Вотъ изъ за холмика вынырнули крыши избъ, амбаровъ. Какъ сотканные изъ паутины, беспорядочные пригоны, дворы изъ жердей и разная небрежно разбросанная рухлядь. Пасѣка разбрелась по кустарнику. Поскотина съ тяжелыми косыми воротами, мостики и растоптанный навозъ—этотъ обязательный атрибутъ каждой Убинской заемки, ибо среди опрятной природы жители ея все таки такъ неопрятны. Подхожу. Два дома большие, одинъ въ два этажа, значитъ люди богатые. Вхожу въ ограду. На крылечкѣ большая блѣдная дѣвочка въ зипунѣ и возлѣ нея кудрявый, лѣтъ пяти, бѣленъкій мальчикъ. Онъ весело хохочетъ надъ цыпленкомъ, которому связалъ тряпочкой ноги. Изъ избы слышенъ разговоръ мужчинъ. Вхожу. Пахнетъ кислой кожей и свѣжимъ хлѣбомъ. Сидятъ за столомъ: черный мужикъ въ сѣрой рубахѣ и бутылахѣ, и въ сапогахъ, въ синей рубахѣ и черномъ ремнѣ съ саквояжемъ черезъ плечо, черноватый мужчина съ лицомъ торгаша мѣшанина.

Скороговоркой и съ манерами рядки онъ говорить крикому:

— Чего 200, ужъ ты хоть бы 500 штукъ срубилъ. Щѣну

дамъ хорошую... Я, братъ, не стою за цѣной... Я, вотъ уви-
дишь, въ два года весь лѣсъ по Убѣ очишу!..

— Нѣтъ вотъ развѣ штучекъ-то 200 могу, а больше нѣтъ...
Знаешь пообѣщать не мудрено, а вотъ исполнить-то какъ?
— говоритъ хозяинъ степенно.

Поздоровавшись, я сѣлъ, смѣриваемый общимъ взглядомъ...
А сидѣвшій у печки старикъ высокій и тонкій, какъ-то сог-
нутый и въ спинѣ и въ ногахъ, спросилъ меня откуда я и кто.

Разговоръ шелъ все о лѣсѣ.

Но когда у старика спросилъ я, кто здѣсь Иванъ Федо-
тычъ Егоровъ и гдѣ живетъ его старшій сынъ Ванифатій и
младшій Василій Ивановичъ, то онъ встрепенулся и повель-
меня къ себѣ въ отдѣльную келейку—наполненную огромны-
ми и цѣнными старинными книгами.

— Вотъ я самый Иванъ Федотычъ и есть... И Ванифатій
и Василій мои сыны! Бесѣдуй, милый человѣкъ! Пивка вы-
пьешь?

Мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть передъ собою это-
го Убинскаго семидесятилѣтняго Мономаха еще такимъ бод-
рымъ, подвижнымъ и обширительнымъ.

Мы съ нимъ очень долго бесѣдовали и онъ предложилъ
въ тотъ же день сопровождать меня къ своимъ сыновьямъ,
Ванифатію и Василію, которые живутъ своими земляками въ
долинѣ Убы ниже. Обѣ обоихъ сыновьяхъ Ив. Федот. слы-
шалъ я еще раньше, а съ Ванифатіемъ въ 1909 году имѣлъ
случай даже лично познакомиться. Былъ я у него въ мона-
стырѣ въ р. Крутой, что въ 15 верстахъ отъ Устькаменогор-
ска. Тамъ у него жило 9 монашескъ во главѣ со свояченицей
его Агафьей, съ которою въ концѣ августа онъ отплатилъ
мнѣ визитъ, заѣхавъ ко мнѣ на дачу. Она правила лошадью,
а онъ возлежалъ на телѣгѣ на мягкому тюфякѣ. Огромный
и одѣтый въ длинную поддевку, не снимая шапки и не кла-
няясь мнѣ, ни моему сосѣду мужику—малороссу, съ кото-
рымъ мы молотили хлѣбъ, онъ лежалъ на телѣгѣ и ждалъ,

когда я подойду. Борода русая, окладистая, волосы спустились на синие глаза, которые смотрели остро, презрительно и не моргая... Когда я поздоровался, онъ, не отвѣтивъ на мое привѣтствіе, сталъ задавать нужные ему вопросы. Тѣмъ не менѣе, я гостепріимно пригласилъ его къ себѣ въ комнату, гдѣ онъ, снявъ шапку, усѣлся на стулѣ и тоненьkimъ голосомъ, немного въ носъ, сказалъ:

—Не глянется мнѣ это мѣсто въ Крутой! хочу переселить «ихъ» куда нибудь въ другое удобное мѣсто.

При словѣ «ихъ» онъ мотнулъ глазами на Агафью, поступившую глаза и стоявшую у порога.

Давъ нужные объясненія чисто юридического характера относительно арендныхъ условій земли, я разстался съ отцомъ Ванифатіемъ, который снова возлегъ на телѣгу и приказалъ Агафѣ «пошевеливать». А когда они скрылись, мой сосѣдъ сказалъ мнѣ:

—Какой же онъ христіанинъ! Онъ даже «Богъ помочь» не сказалъ, а мы вѣдь съ Божиимъ даромъ, съ хлѣбомъ, управляемся... Ненавистники они, а не христіане.

Я рассказалъ обѣ этомъ старику и онъ почти шепотомъ сказалъ мнѣ, грустно качая головой:

—Грубовать, грубовать, прости Христа ради!.. Грубовать! На счетъ вѣры—ревнитель усердный, а съ никоніанами грубовать! Но вотъ Василій у меня—золотое сердце! Вотъ увидишь!..

Иванъ Федотычъ быстро осѣдалъ 2 лошади, чтобы щѣхать къ Ванифатію и Василію, но садясь въ сѣдло, онъ вдругъ завсхлипowałъ и я едва могъ слышать сквозь его рыданія:

Нѣть! Вотъ, доченьку Уба у меня проглотила... Сердце-ченько-то было какое!.. Ангельское... Одна только и была она по всей Убѣ...—и онъ долго плакался мнѣ на эту тяжелую утрату.

Въ это же время къ замку быстро подкатили два всадника и одна всадница на добрыхъ взмыленныхъ коняхъ. Ока-

залось, что двое этихъ мужиковъ укради чужую бабу изъ деревни Бутаковой и везли ее къ Вас. Ив. обратить въ «истинную» вѣру и повѣнчать съ молодымъ парнемъ. Одѣтая по крестьянки молодая женщина была очень красивой и довольно бойкой. Щала она верхомъ въ штанахъ изъ пестраго холста съ подтыканымъ подоломъ наряднаго сарафана и въ красной гарусной шали. Мы скоро всѣ пятеро отправились въ бродъ, черезъ то самое мѣсто, где утонули монашки. Бродъ оказался очень труднымъ и мѣстами крупная лошади, чтобы не поддаваться волнѣ, быстро повертывали грудью противъ теченія и, упираясь ею въ разсѣкую волны, стояли нѣкоторое время и снова шли, осторожно напупывая некованными ногами удобное мѣсто, чтобы тверже стать и не поскользнуться. Версты двѣ ниже на косогорѣ стояли три избы. Одна изъ нихъ съ крестикомъ на крыше и однимъ колоколомъ, подвѣшеннымъ надъ крыльцомъ: это молитвенный домъ, возлѣ котораго въ другой избѣ живетъ все еще не постриженная Агафья съ 5 другими послушницами, а въ третьей помѣщается самъ «Нифатій Иванычъ». Когда я вошелъ вмѣстѣ съ другими, то торгашъ Рукавишниковъ сидѣлъ уже здѣсь и пилъ пиво, закусывая хлѣбомъ, мокая его въ тарелку меда. За столомъ на лавкѣ сидѣлъ самъ Ванифатій съ всклоченой шевелюрой, въ простой пестрой рубахѣ, и еще бывшій Лосевскій богачъ, теперь устарѣвшій и раззорившійся Данила Спиридонычъ Авдѣевъ.

— Здравствуй Нифатій Иванычъ! — сказалъ я.

Онъ уставилъ на меня свои острые синіе глаза безъ зрачковъ и не подавая руки сказалъ:

— Я че то... тебя не помню...

— Ну не помнишь, не надо, а руку-то всетаки подай! — говорю.

— Нѣть, не подамъ! ты видишь, я обѣдаю!

Я смущился и, не зная, что на это сказать, сѣлъ на лавку, Ванифатій продолжалъ торговаться съ подрядчикомъ, а всѣ

пріѣхавшіе въ томъ числѣ и Ив. Фед. чувствовали себя не-ловко. Эта неловкость потребовала отъ меня, чтобы я сказалъ:

— Вотъ ты считаешься образцовымъ христіаниномъ, а съ человѣкомъ обходишься не по христіански... Киргизы принимаютъ гораздо лучшее...

— А такъ и принимаю, какъ знаю!.. И потомъ же ты ере-ти克ъ, а съ еретикомъ мы не должны знаться.

А жена его подносить мнѣ стаканъ пива. Я отказался.

— Че на это сердиться-то? Мы тебя ничѣмъ не обезчес-тили!..

— Но ты меня обидѣлъ!..— сказалъ я, а онъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ продолжалъ, хлебая квасъ изъ чашки:

— Ни че я не обидѣлъ! Потому я иду по своему закону... У насъ такая вѣра...

Я всталъ, поклонился и вышелъ изъ избы.

— Ну что поѣдемъ, али нѣть къ Василію-то?—спрашивав-етъ Ив. Федотычъ.

— А онъ тоже «по закону» приметъ?

— Нѣть, што ты... Тотъ совсѣмъ парень не такой... Тотъ по всему углу одинъ... Поѣдемъ! Чистая бѣда—мнѣ самому не ловко, прости Христа ради!

Дорогой онъ меня все утѣшалъ, всячески смягчая и оправ-дывая произошедшій инцидентъ. Я молчалъ, думая о томъ, что для такой религіозной роли, какую ведетъ Ванифатій, нуженъ все же большой самобытный характеръ.

Убу пришлось перебролить еще два раза, т. к. по обры-вистымъ, ушедшімъ въ самое небо берегамъ, ъхать было не возможно.

Заемка В. И. Егорова стоитъ въ срединѣ заимокъ его меньшихъ братьевъ по р. Шумишкѣ на правомъ берегу Убы и на высокомъ косогорѣ въ устьѣ падающаго въ Убу ущелья.

Дома В. И. не оказалось. Былъ въ пасѣкѣ. Солнце кло-нилось къ вечеру. Я ждалъ въ большой свѣтлой избѣ, гдѣ

помимо большой кровати, завешанной цветным пологомъ, стояло два стола Ящикъ, большая скамья, шкафикъ съ посудой и огромный простой шкафъ съ большой, и видимо очень цѣнной старообрядческой библіотекой. Книги были завешены красной занавѣской, а надъ столомъ въ переднемъ углу висѣли на гвоздяхъ разныя плохо написанныя письма, преимущественно съ церковно-славянской письменностью.

Тутъ же кадильница, лѣстовка и на стѣнахъ старинные древніе рисунки на простой бумагѣ съ священными текстами внизу изъ жизни святыхъ угодниковъ.

Прійдя изъ пасѣки В. И. еще на крыльца переодѣлся въ новые сапоги и синюю поддевку и, войдя, просто, вѣжливо поздоровался, при этомъ онъ какъ-то нерѣшительно протянулъ мнѣ руку.

Разговоръ завязался быстро и оказался настолько занятнымъ, что мы не замѣтили, какъ подошло время отѣзда. Однако хозяинъ не отпустилъ меня и, напоивъ чаемъ, (онъ имѣть самоваръ для гостей) уговорилъ ночевать. Я согласился. Почти до полночи мы бесѣдовали и краснорѣчивый, очень умный и симпатичный В. И. довольно основательно отвѣчалъ на всѣ мои недоразумѣнія по поводу странностей въ ихъ вѣрованіи и обрядахъ, и въ его объясненіи мои недоразумѣнія оказались просто логическими заблужденіями. Само собою, конечно, что шадя его религіозныхъ убѣжденія, я не переступалъ за грань догматического христіанства и не опирался на значеніе христіанства въ томъ смыслѣ, въ которомъ я понимаю самъ.

Во всякомъ случаѣ В. И. произвелъ на меня впечатлѣніе очень умнаго и порядочнаго человѣка, не чуждаго культурѣ и христіанской любви къ ближнему, хотя онъ и проговорился, что они должны мстить никоніанамъ за былые гоненія, скиганія и кровопролитія, но поправился:

— Но какъ мстить? Мстить въ духѣ кротости и борьбы словесной.

Утромъ мы снова увлеклись бесѣдой и я выѣхалъ лишь

часовъ въ семь. Утро было роскошное. Туманъ, сгущаясь въ тучи, лежалъ на плечахъ горъ и собирался уже полетѣть въ синее небо, когда мы побрели черезъ Убу, по которой плыли сотни лѣсинъ, тронувшихся сверху и подгоняемыхъ тремя десятками рабочихъ лѣсоторговца Рукавишникова, который для пущей убѣдительности иногда одѣваетъ саблю и қакую то форменную фуражку... Но только на старовѣровъ это производить обратное дѣйствіе, они не только не боятся его, но и смѣются надъ такой пристрасткой.

Мой спутникъ Иванъ Федотычъ ѣхалъ впереди и охотно рассказывалъ о томъ, какъ хорошо раньше жилось въ Убинскихъ лѣсахъ. Высокій, бородатый и кучерявый, въ круглой, туескомъ, кошемной шляпѣ, онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ бокомъ въ три изгиба и все говорилъ, говорилъ, умолкая лишь при шумѣ перебродимой воды, когда плывущія бревна то и дѣло грозили сбить съ ногъ нашихъ коней.

— Бывало никакихъ ни даней, ни пошлинъ и въ поминѣ не было, прости Христа ради!.. Только звѣря этого, прости Христа ради, вотъ въ этомъ ущельи было, какъ скота... Не было недѣли, чтобы двѣ, три скотины не рѣшилъ... А иная съ перепугу какъ кинется, такъ сердечная и напорется въ лѣсу-то... Ну и стали это его жечь... Жгли, жгли, а выжечь не могли весь...

Но это между прочимъ. Главной же темой нашего разговора была всетаки вѣра, и надо было удивляться свѣжести силъ этого старика и юношескому огню его убѣжденія.

Не даромъ же онъ, собирая когда то духовные соборы, не поддавался ихъ неудачамъ, а стойко шелъ впередъ одинъ, пока наконецъ не сталъ побѣдителемъ сотенъ и тысячъ такихъ же крѣпкихъ и стойкихъ, какъ онъ...

Но вѣ роля побѣдителя онъ по прежнему простъ, какъ и всѣ, вскормленные самой природой ея сыны.

И только ярко свѣтится въ немъ вѣра въ себя, съ которой онъ пойдетъ и на костеръ и въ заточенѣе, какъ и Вонифатій, умѣюшій смѣло презирать, какъ и Василій, убѣжденно

защищающей простыми речами правоту своей вѣры, какъ и Федоръ Афонасьевичъ Гусевъ, обиваюшій пороги Петербургскихъ департаментовъ въ поискахъ правды и правъ своихъ....

X.

Убинскіе альпы и Ивановскій хребетъ.

Выше женской обители долина Убы менѣе заселена, а лѣтъ десять пятнадцать назадъ представляла собою пустыню. И только отдельные скитники и бѣглецы скрывались въ многочисленныхъ ущельяхъ, хотя верстахъ въ 40 отъ обители есть старое селеніе Стрененое, выросшее изъ простой заимки лѣтъ шестьдесятъ назадъ, выше д. Стрененої верстахъ въ 20 еще болѣе молодая деревня Поперечная, заселенная также старожильческимъ крестьянствомъ и преимущественно поморцами. Народъ въ Поперечной, не смотря на отдаленность его отъ культурныхъ центровъ, выглядитъ очень развитымъ, здоровымъ и духовно-дѣльнымъ. Хотя приволіе и здѣсь начинаетъ уже изсякать, ибо многие изъ нижне Убинскихъ и Ульбинскихъ деревень начинаютъ выдѣлять изъ себя эмигрантовъ въ предѣлы Поперечинской территории.

Дальше отъ Поперечной хотя и есть заимка, но она главнымъ образомъ выстроена ради пасѣкъ, а еще дальше т. е. самые вершины Убы необитаемы т. к. текутъ въ области бѣлковъ и альпійскихъ высотъ, гдѣ ростетъ уже альпійская флора и гдѣ царствуютъ холода.

Изъ Убинскихъ альпъ особенно славятся суровостью Коксинскій, Турусунскій и Ивановскій хребты. На послѣдній изъ нихъ мнѣ удалось взобраться и обѣ этомъ я скажу болѣе подробно, неизбѣжно и вновь уклонившись въ сторону лиризма, безъ чего крайне трудно дать приблизительную картину полученныхъ впечатлѣній.

На Ивановскій хребетъ мы отправились изъ с. Риддерскаго, стоящаго какъ разъ у подола этого хребта. Огромной, темно-синей и неприступной стѣною всталъ онъ попрекъ

нашего пути къ востоку, и его усѣянный снѣжными пятнами гребень наполовину обнаженъ и безжизненъ. И мысль взобраться на вершину этого десятиверстнаго гребня, подпирающаго самое небо, расчесывающаго косматыя тучи и превращающаго ихъ обильныя слезы въ ослѣпительно бѣлые снѣжные кристаллы—даже лѣтомъ—казалась несбыточной...

Лучшимъ путемъ на его вершину считается юго-западный отрогъ упирающейся своимъ подоломъ въ кривую долину оглушительно бурной и многоводной р. Громотухи, этой старшей дочери южныхъ склоновъ Ивановскаго хребта.

Отъ Риддерска до начала этого отрога идетъ хорошая колесная дорога по роскошнымъ гладкимъ и тучнымъ лугамъ.

Отъ Риддерска кажется, что до Ивановскаго хребта рукой подать, что тутъ не будетъ и версты, но на самомъ дѣлѣ до первой тропы на хребетъ отъ Риддерска не меньше семи верстъ.

Оставивъ на заимкѣ лошадей, мы вооружились крѣпкими костылями и провизіей, и отправились на хребетъ пѣшкомъ въ 9 ч. утра.

Поднимаясь только на южный подоль хребта, т. е. на самый отлогій подъемъ, мы то и дѣло должны были перевозить духъ.

Первое время мы шли по одному изъ безлѣсныхъ ушелій и, палимые горячимъ юньскимъ солнцемъ, очень радовались сосѣству журчащаго сверху маленькаго ручейка, и то и дѣло цѣловались съ его серебристыми струйками...

Но вотъ ручеекъ исчезъ. И чѣмъ выше шли мы, тѣмъ труднѣе былъ подъемъ, тѣмъ глушѣ воздухъ и горячѣе лучи солнца. А до первого плеча еще страшно далеко.

Идешь, заставляя себя не думать объ усталости, и то и дѣло намѣчаешь условную грань отдыха: вотъ до этого пня и сяду... Нѣтъ, вотъ до этого кустика... А когда дойдешь, еще увидишь въ пяти шагахъ какую либо мѣту и добравшись, обезсиленный, падешь... Слышно, какъ стучитъ сердце

и хрипитъ въ легкихъ, а голова идетъ кругомъ и языкъ горитъ отъ жажды.

И снова идешь и снова падаешь, забывъ цѣль и смыслъ своего труда и изнемогая подъ беспощадной теплотою солнца.

Пошли лѣса, густыя и высокія травы, море цвѣтовъ, міры насѣкомыхъ, но хребетъ все еще зоветъ вверхъ, все еще изнуряетъ оставшіяся силы...

Лежатъ полусгнившіе буреломы, сѣдые и обгорѣлые черные пни, съ корнемъ вывороченные бурями деревья, крѣпко сжавшія въ своихъ жилистыхъ лапахъ цѣлые пласты земной почвы и сотни мелкихъ камней. Потихоньку шепчутся зеленые верхушки елей и лиственницъ, а оставшіяся позади долины уходятъ все ниже и волны горныхъ далей все синѣе, все дымчатѣй и ползутъ вширь и вдаль на десятки, на сотни верстъ...

Вотъ показалось первое сиѣжное пятно, но кажется несбыточнымъ, что когда либо до него доберешься, чтобы утолить жажду, упавъ на его холодное тѣло... И кажешься самъ себѣ ничтожнымъ, беспомощнымъ и жалкимъ и молишься душою человѣческой мысли, побѣдоносно ведущей къ техническимъ завоеваніямъ, къ покореню воздушной стихіи и къ избавленію человѣка отъ унизительного пресмыканья, въ которомъ утрачивается всякая красота жизни и всякая прелесть созерцанья.

Но въ половинѣ второго пополудни я былъ уже у подножія послѣдняго огромнаго холма, оставивъ далеко позади своихъ товарищей.

А еще черезъ полтора часа я осилилъ и эту самую крутую, то и дѣло толкавшую гору и, полойдя къ мѣсту, где стоялъ когда то огромный крестъ, въ память восхожденія сюда какого-то епископа, я упалъ и первымъ словомъ моимъ было не благословеніе, а проклятие, ибо совершенно обезсильенный, я рѣшительно утратилъ всякий смыслъ такого изнурительного подвига.

Упалъ и на толстомъ слоѣ бурыхъ мховъ въ ту же минуту уснуль... А когда проснулся, то страшно дрожжалъ отъ холода и разложивъ изъ вѣтвей вереска костеръ, сталъ грѣться въ то время, какъ далеко внизу пестрѣли безчисленные полосы еще несозревшихъ хлѣбовъ, а зеленые луга были наполовину усыпаны мельчайшими точками копенъ и стоговъ. Спутники мои не приходили.

И только потомъ, я вспомнилъ, что я находжусь на вершинѣ Ивановскаго хребта, бѣлые гребни котораго такъ часто казались мнѣ облаками съ прозаичныхъ Семипалатинскихъ равнинъ.

И войдя на одинъ изъ жертвенниковъ бурханизма, я видѣлъ: и эти, кажущіяся далекимъ и неподвижнымъ моремъ Семипалатинскія равнины, и Заиртышскіе голубые горизонты, увѣнчанную темно-синими конусами величественную Аиртау, и бурныя волны горъ Бухтарминскаго края и безжизненные вершины Туругунскаго, Коксинскаго и Коргонскаго хребтовъ и, наконецъ, лиловый лабиринтъ, уходящій къ западу, Убинской долины...

Вблизи же меня на востокъ уходили широкимъ плоскогорьемъ совершенно безжизненные площади вѣчныхъ снѣговъ. пѣгія какъ пантера и холодныя, какъ саванъ земли.

Далеко внизу, на краю зеленаго и гладкаго, замкнутаго въ горы плато, какъ столпившееся стадо овецъ, пестрымъ пятномъ виднѣлось с. Риддерское, а отъ самыхъ ногъ моихъ бросалась внизъ головокружительная пропасть—морщина, въ глубинѣ которой по безпрерывнымъ сѣрымъ корумамъ то и дѣло рыскали рыжіе сурки и ихъ красивому и звонкому: «Ку—фи» гдѣ-то въ сердцѣ горы вторило длительное и разсыпчатое эхо...

И всюду на склонахъ висѣли бѣлые, снѣжныя поля, а ниже, безпрерывной зеленої шетиной, ползли густые лѣса...

...Подложивъ подъ одинъ изъ тяжелыхъ камней свою визитную карточку, я медленно тронулся внизъ...

И когда спустился до самаго нижняго снѣжного поля, гдѣ отлежавшіеся и обыгавшіе отъ усталости спутники мои таяли пятый чайникъ снѣга и весело играли въ снѣжки, то солнце багровымъ пятномъ повисло уже надъ самымъ горизонтомъ и отъ длинныхъ голубыхъ тѣней глубокія горныя ущелья казались задумчиво нахмуренными...

Георий Гребенщиковъ.

Замѣченныя опечатки въ статьѣ
„Рѣка Уба и Убинскіе люди“.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>сверху</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
4	1		украшенная	укрошённая
—	19		деревенскую	деревянную
5	20		выдалъ	выжалъ
18	24		появленіе	появленія
24	8		бездолжной	безъ должной
39	18		брать	брата
41	27		предсѣдательствомъ	предводительствомъ
43	4		приважно	преважно
44	5		глядь	гляди
56	12, 30		перелины	шелерини
60	24		быть	бысть
65	17		они	онѣ
74	21, 22		недоразумѣнія	недоумѣнія
76	8, 9		Стрененое	Стрежное

„Сибирскіе заговоры“.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
1	6 св.	Батюшка	Батюшка,
—	8 св.	иоуть	ноуть
4	9 св.	озевище	озёвище
5	9 св.	океанъ-море—На	океанъ-море. На
—	8 сн.	беру	беру
6	2 св.	вечернюю-Марены	вечернюю-Маремьяны
10	5 сн.	раба на умѣ	раба (имя рекъ) на умѣ

